ЭТЮД
В ТОТАЛИТАРНЫХ
ТОНАХ
ЛУКАС БЕННЕТТ

Этюд в тоталитарных тонах

Лукас Беннетт

Настоящее издание представляет собой художественное произведение. Все имена, персонажи, диалоги, события, организации и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла и используются исключительно для раскрытия авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, событиями, обстоятельствами, организациями, названиями, публичными спорами или общественными процессами является случайным и непреднамеренным. Мнения, реплики и оценки персонажей являются частью художественного повествования и не должны восприниматься как позиция автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Аналитик из тени

Глава 2. Первая ступень инквизиции

Глава 3. Юридический таран Корелова

Глава 4. Гражданская смерть

Глава 5. База данных правовой защиты

Глава 6. Коммерческий прайс-лист на ересь

Глава 7. Охота на свидетеля

Глава 8. Ловушка для сыщика

Глава 9. Пазл сошелся

Глава 10. Фабрика псевдоправосудия

Глава 11. Сеть солидарности

Глава 12. Взрыв матрицы

Пролог

Зал судебных заседаний номер 402 казался холодным и безликим. Судья монотонно зачитывал резолютивную часть приговора, не поднимая глаз от бумаг. На скамье подсудимых сидел профессор Илья Антонов — биолог, чья лаборатория месяц назад опубликовала отчет о загрязнении грунтовых вод. Теперь он был уже не ученым. Согласно материалам дела, он являлся «лидером деструктивного культа, применявшим методы психологического контроля к студентам».

Адвокат Вадим Корелов сидел за столом обвинения в безупречно скроенном темно-синем костюме. Он не слушал судью. Его пальцы методично выравнивали края кожаной папки. Внутри лежала копия экспертного заключения — сто страниц псевдонаучного текста, в котором термины из лекций Антонова были виртуозно переплетены с цитатами из пособий по вербовке. Корелову не нужно было вникать в суть биологических исследований. Его задача заключалась в другом: превратить научную дискуссию в вопрос национальной безопасности.

Когда прозвучало слово «виновен», Антонов медленно опустился на деревянную скамью. В зале не было ни журналистов, ни коллег — все они отвернулись от профессора после первой же серии статей в бульварной прессе. Корелов застегнул пуговицу пиджака, кивнул прокурору и направился к выходу. В коридоре его уже ждал курьер с плотным конвертом от заказчика. Механизм сработал безупречно. Ярлык был наклеен, репутация уничтожена, активы лаборатории заморожены.

Корелов достал телефон и открыл список контактов. Следующим в очереди стоял доктор Иван Васильев, посмевший раскритиковать новый препарат биофармацевтического холдинга «Северинта». Адвокат нажал на иконку вызова и коротко бросил в трубку: «Запускайте первую фазу. Тезисы те же — сектантское кодирование пациентов». Маховик карательной машины начал новый оборот, еще не зная, что на этот раз в его шестеренки попадет стальной лом.

Глава 1. Аналитик из тени

Тяжелая картонная коробка с глухим стуком опустилась на поверхность дубового стола. Внутри что-то зашуршало, звякнула скрепка, ударившись о стенку. Алексей Грейн поднял взгляд от монитора. В его кабинете — помещении без окон, расположенном на цокольном этаже бывшего складского комплекса на окраине города, — царил полумрак, разбавляемый лишь холодным светом настольной лампы.

Человек, стоявший по ту сторону стола, выглядел так, словно не спал несколько суток. Его пальцы, цепко сжимавшие края коробки, мелко дрожали. Светло-серый плащ был измят, воротник рубашки расстегнут. Доктор Иван Васильев, ведущий научный сотрудник Института клинической иммунологии, чье лицо еще месяц назад не сходило со страниц специализированных медицинских журналов, сейчас напоминал загнанного зверя.

— Мне сказали, вы занимаетесь... нестандартными ситуациями, — голос Васильева звучал хрипло, он откашлялся и провел рукой по лицу. — Я не знаю, куда еще идти. Полиция отказалась принимать заявление. Коллеги перестали отвечать на звонки.

Грейн откинулся в кресле. Он не любил слово «нестандартные». Его работа заключалась в анализе паттернов, в поиске закономерностей там, где другие видели хаос. Информационные потоки всегда оставляли следы, нужно было лишь уметь их читать.

— Присаживайтесь, доктор Васильев, — Грейн указал на стул с высокой спинкой. — И давайте без предисловий. Что в коробке?

Васильев опустился на стул, словно у него разом отказали ноги. Он потянулся к коробке, откинул картонные клапаны и начал выкладывать на стол ее содержимое. Сначала появилась стопка бумаг формата А4, перехваченная канцелярской резинкой. Затем — несколько глянцевых журналов, пара газет с кричащими заголовками и, наконец, пластиковая папка-скоросшиватель.

— Это началось три недели назад, — заговорил Васильев, нервно перебирая бумаги. — Я опубликовал статью в независимом вестнике. Результаты

клинических испытаний «Терванекса». Это новый иммуномодулятор от холдинга «Северинта». Они готовят его к массовому запуску через месяц. Препарат позиционируется как прорыв в лечении аутоиммунных заболеваний.

Грейн пододвинул к себе папку-скоросшиватель. Внутри лежал приказ на официальном бланке Института. «Уволить по статье 81 Трудового кодекса… в связи с грубым нарушением трудовых обязанностей…» Подпись директора, печать. Дата стояла вчерашняя.

— Мои исследования показали, что препарат токсичен, — продолжил Васильев, его голос окреп, в нем зазвучали нотки профессиональной уверенности. — У тридцати процентов контрольной группы зафиксировано необратимое поражение печени. Я трижды отправлял рапорты руководству. Просил приостановить испытания. Меня игнорировали. Тогда я решил вынести это в публичную плоскость.

Взгляд аналитика скользнул по строкам приказа. Документ был составлен безупречно с юридической точки зрения, но дьявол, как всегда, крылся в деталях.

— И вас уволили на следующий день после публикации? — уточнил Грейн.

— Если бы только это, — Васильев горько усмехнулся и пододвинул к Грейну три газеты. — Посмотрите на даты.

Алексей развернул газеты. Это были популярные таблоиды, специализирующиеся на скандалах и криминальной хронике. Даты выхода совпадали — прошлый четверг. Заголовки кричали: «Оборотень в белом халате», «Сектантские эксперименты в государственной клинике», «Доктор-убийца вербует пациентов».

Грейн взял карандаш и начал методично подчеркивать абзацы в текстах. В кабинете повисла тишина, прерываемая лишь шуршанием бумаги и гудением кулеров системного блока. Через десять минут он отодвинул газеты и посмотрел на Васильева.

— Обратите внимание, — Грейн постучал карандашом по столу. — Статьи написаны разными авторами, в разных изданиях. Но структура текста идентична. Везде используется один и тот же нарратив: вы не ученый, вы — манипулятор. Везде присутствует цитата некоего «независимого эксперта»,

утверждающего, что вы применяете методы психологического контроля. И самое интересное…

Грейн придвинул газеты ближе к себе и прочитал вслух:

— «Васильев использует сложную медицинскую терминологию для подавления воли пациентов, превращая их в послушных адептов своей псевдонаучной теории». Этот абзац слово в слово повторяется во всех трех публикациях. Это не журналистика, доктор. Это темник.

Васильев побледнел. Он смотрел на подчеркнутые строки так, словно они были ядовитыми змеями.

— Темник? — переспросил он.

— Инструкция по освещению темы, — пояснил Грейн. — Заказчик рассылает базовый текст, а исполнители адаптируют его под формат своих изданий. В вашем случае они даже не стали напрягаться с рерайтом ключевых тезисов. Слишком торопились.

Аналитик поднялся, прошел к кофеварке и налил себе свежую порцию. Горький аромат наполнил комнату.

— Кто-то очень не хочет, чтобы ваша статья о «Терванексе» получила резонанс. И они выбрали самую эффективную стратегию. Они не опровергают ваши данные. Они дискредитируют источник. Никто не будет слушать «лидера секты», даже если он говорит правду.

— Но это же абсурд! — Васильев вскочил со стула, едва не опрокинув его. — Какая секта? Я врач! Я работаю со статистикой, с анализами крови, с результатами биопсии! У меня есть все протоколы исследований!

Грейн вернулся к столу и сел. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Обществу не нужны протоколы биопсии, доктор. Обществу нужны понятные ярлыки. «Сектант» — это отличный ярлык. Он вызывает страх и отторжение. Он блокирует критическое мышление. Вас изолировали.

Васильев тяжело опустился обратно на стул. Его плечи поникли. Он казался человеком, который только что осознал масштабы надвигающейся катастрофы.

— Что мне делать? — тихо спросил он. — Я пытался связаться с журналистами, которые писали эти статьи. Телефоны недоступны. Редакторы бросают трубку. Вчера мне звонили из опеки… Спрашивали о методах воспитания моего сына.

Грейн открыл ноутбук. Экран осветил его лицо холодным голубоватым светом. Пальцы привычно легли на клавиатуру.

— Мы начнем с цифрового аудита, — произнес он, запуская программу-анализатор. — Мне нужно отследить источники распространения информации. Кто первым вбросил тезис о секте. Кто оплатил публикации. Как двигались деньги.

На экране появились строчки кода, побежали графики и диаграммы. Грейн создал новую папку, назвав ее «Дело Васильева».

— Это будет стоить дорого, — предупредил он, не отрывая взгляда от монитора. — Мои услуги не дешевы. И я не даю гарантий результата. Я лишь предоставляю информацию. Что вы будете с ней делать — решать вам.

Васильев достал из внутреннего кармана плаща пухлый конверт и положил его на стол.

— Здесь мои сбережения. Этого хватит для начала?

Грейн даже не взглянул на конверт.

— Оставьте себе. Пока. Сначала я должен понять, с чем мы имеем дело. Мне нужны все ваши публикации, черновики статьи о «Терванексе», переписка с руководством Института. Всё, что касается этого препарата.

Доктор кивнул и подвинул коробку ближе к Грейну.

— Здесь всё. Копии протоколов, результаты анализов, внутренняя документация. Я скопировал всё, что смог, перед тем как они заблокировали мой пропуск.

— Отлично, — Грейн взял один из документов, пробежал глазами текст. — Теперь расскажите мне подробнее о препарате. Что именно вы нашли?

Васильев выпрямился. Разговор о медицине возвращал ему уверенность.

— «Терванекс» базируется на синтетическом белке, который должен блокировать аутоиммунные реакции. В теории это выглядит идеально. Но на практике… Белок накапливается в гепатоцитах. Клетки печени начинают разрушаться. Сначала бессимптомно. На биохимическом анализе крови изменения видны только на поздних стадиях, когда процесс уже необратим.

— И «Северинта» об этом знает?

— Не могут не знать. Я видел их внутренние отчеты о доклинических испытаниях на животных. Там были те же результаты. Но они изменили методологию оценки токсичности, чтобы скрыть эти данные. Они торопятся вывести препарат на рынок. Это миллиардные прибыли.

Грейн задумчиво постучал пальцами по столу. Картина начинала складываться. Классический конфликт интересов. Корпорация, готовая пойти на всё ради прибыли, и одиночка, вставший у нее на пути. Но методы… Методы были слишком изощренными для простой корпоративной службы безопасности.

— Кто проводил экспертизу ваших публикаций для этих газетных статей? — спросил Грейн, возвращаясь к разложенным на столе таблоидам. — Вы помните имя «независимого эксперта»?

Васильев нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Кажется, какой-то центр… Центр психологической безопасности. Или что-то в этом роде. Я никогда о них не слышал.

Аналитик быстро вбил несколько запросов в поисковик. Экран заполнился ссылками.

— Вот оно. «Центр изучения деструктивных культов». Руководитель — некий профессор Смирнов. Специализируется на «психолингвистическом анализе текстов с целью выявления признаков скрытого манипулирования».

Грейн открыл несколько ссылок подряд. Глаза быстро сканировали текст.

— Интересно. За последний год этот профессор Смирнов выступал экспертом в пятнадцати подобных делах. И каждый раз его заключение ложилось в основу обвинений в создании сект или деструктивных организаций.

Экологи, правозащитники, независимые журналисты… А теперь и ученый-медик.

— Вы думаете, это система? — спросил Васильев, и в его голосе прозвучал неподдельный страх.

— Я думаю, что это конвейер, — Грейн закрыл вкладки браузера. — И кто-то очень хорошо платит за его работу.

Он посмотрел на врача. Тот сидел, ссутулившись, словно под тяжестью невидимого груза. Иллюзии рушились одна за другой. Мир науки, в котором он жил, где правили факты и доказательства, оказался беззащитен перед машиной по производству лжи.

— Доктор Васильев, — голос Грейна прозвучал жестко, почти холодно. — Вы должны понимать одну вещь. То, с чем вы столкнулись — это не просто ошибка или недоразумение. Это целенаправленная кампания по вашему уничтожению. И они не остановятся на увольнении и газетных статьях. Это только первый этап.

— Что будет дальше?

— Дальше они начнут разрушать вашу жизнь. Полностью. Отрежут от финансов, изолируют от близких, заведут уголовное дело. Они сделают вас токсичным для любого, кто попытается вам помочь.

Васильев молчал. В тишине кабинета было слышно только гудение серверов.

— Вы готовы идти до конца? — спросил Грейн. — Потому что пути назад у вас уже нет. Если вы сейчас отступите, они вас раздавят.

Врач медленно поднял голову. В его глазах больше не было страха.

— Я врач, Грейн. Мой долг — спасать жизни. Если этот препарат выйдет на рынок, погибнут тысячи людей. Я не могу этого допустить.

Алексей кивнул. Этот ответ его устроил.

— Хорошо. Тогда начнем.

Он придвинул к себе клавиатуру и открыл чистый текстовый документ.

— Первое правило цифровой гигиены, доктор: мы больше не используем ваши обычные каналы связи. Никаких звонков по сотовому, никаких мессенджеров. Ваш телефон, скорее всего, уже прослушивается. Электронная почта читается.

Грейн достал из ящика стола старенький кнопочный телефон без камеры и интернета, вставил в него новую сим-карту и протянул Васильеву.

— Это для экстренной связи. Номер знаю только я. Включать только в случае крайней необходимости.

Васильев взял аппарат, повертел его в руках.

— Второе правило, — продолжил аналитик. — Вы не делаете никаких публичных заявлений. Никаких интервью, никаких постов в социальных сетях. Любое ваше слово будет использовано против вас. Вы уходите в тень.

— А как же моя статья? Мои исследования?

— Мы найдем способ их обнародовать. Но не сейчас. Сейчас наша задача — собрать доказательства того, что против вас ведется спланированная кампания. Нам нужны факты, связи, финансовые проводки.

Грейн снова повернулся к монитору. Пальцы забегали по клавишам, вводя команды в терминал.

— Я начну с анализа метаданных этих газетных публикаций. Посмотрим, откуда растут ноги у этого темника. Параллельно прогоню через базы данных информацию о «Северинте» и этом Центре изучения деструктивных культов. Поищем точки пересечения.

Он взял из коробки один из протоколов клинических испытаний «Терванекса».

— А вы пока займитесь этим. Мне нужна выжимка из ваших исследований. Кратко, четко, без сложных медицинских терминов. Только факты: количество испытуемых, дозировка, процент осложнений, характер поражений печени. Сделайте так, чтобы это понял человек, далекий от медицины.

Васильев кивнул, достал из кармана блокнот и ручку и принялся за работу. В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком клавиш и скрипом пера по бумаге.

Грейн работал методично, отсекая лишнюю информацию, углубляясь в цифровые дебри. Он знал, что где-то там, в хитросплетениях IP-адресов, транзакций и электронных писем, скрывается ответ. Машина не могла работать без сбоев. Люди всегда оставляли следы. Жадность, глупость, самоуверенность — всё это было отличным материалом для аналитика.

Прошло несколько часов. Васильев закончил писать, положил листок на стол и устало откинулся на спинку стула. Грейн продолжал вглядываться в экран монитора, где мелькали строки кода.

Внезапно его пальцы замерли над клавиатурой. Он нахмурился, вглядываясь в одну из строчек.

— Интересно… — пробормотал он.

— Что там? — Васильев подался вперед.

— Я проанализировал цифровой след одной из публикаций, — Грейн указал на экран. — Статья была загружена на сайт издания с IP-адреса, который не принадлежит редакции. Это адрес прокси-сервера.

— И что это значит?

— Это значит, что текст прислали со стороны, уже в готовом виде. Но самое интересное не это. Я проследил цепочку маршрутизации. Она ведет к серверу, зарегистрированному на юридическую компанию.

Грейн быстро вбил название компании в поисковик.

— «Корелов и партнеры», — прочитал он. — Адвокатское бюро. Специализируется на корпоративном праве и защите деловой репутации.

Он повернулся к Васильеву.

— Вам знакомо имя Вадим Корелов?

Врач отрицательно покачал головой.

— Нет. Никогда не слышал.

Грейн задумчиво посмотрел на монитор. В игре появился новый игрок. Юристы. Это меняло дело. Если за информационной атакой стояло адвокатское бюро, значит, ставки были гораздо выше, чем он предполагал.

— Похоже, ваше увольнение и газетная шумиха — это только артподготовка, доктор Васильев, — произнес аналитик, закрывая терминал. — Настоящая война начнется в суде. И к ней нужно быть готовым.

Он посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь.

— На сегодня всё. Идите домой, постарайтесь отдохнуть. Завтра я продолжу работу. Если что-то случится — звоните по тому телефону, что я вам дал.

Васильев поднялся, сгреб свои бумаги обратно в коробку.

— Спасибо, Грейн. Вы первый, кто поверил мне.

Аналитик лишь коротко кивнул. Он не верил людям. Он верил фактам. И факты говорили о том, что доктор Васильев попал в очень серьезный переплет.

Когда за врачом закрылась дверь, Грейн снова повернулся к монитору. Он открыл папку «Дело Васильева» и создал новый документ. Назвал его коротко: «Корелов».

Игра началась. И правила в ней диктовал тот, кто контролировал информацию. Грейн намеревался стать этим человеком. Он сделал глоток остывшего кофе и погрузился в цифровой океан, выискивая следы невидимого врага.

Глава 2. Первая ступень инквизиции

Монитор отбрасывал на лицо Грейна холодный, мертвенный свет. Три часа методичного парсинга метаданных, извлеченных из цифровых следов газетных публикаций о Васильеве, принесли первые результаты. На экране выстроилась четкая схема маршрутизации. Аналитик отпил остывший кофе, не отрывая взгляда от зеленых строк кода, бегущих по черному фону терминала.

Все три статьи, уничтожившие репутацию врача за одни сутки, были загружены на серверы редакций с одного и того же IP-адреса. Адрес не принадлежал ни одной из газет. Он не был скрыт за стандартными VPN-сервисами, которые обычно используют для анонимизации. Кто-то работал открыто, чувствуя полную безнаказанность.

Пальцы Грейна быстро застучали по клавиатуре, отправляя запрос к базе данных регистраторов доменных имен. Через несколько секунд система выдала ответ. IP-адрес принадлежал серверам пиар-агентства «Кворелис».

Аналитик открыл новую вкладку и вбил название агентства в поисковик. Официальный сайт выглядел респектабельно: корпоративные цвета, улыбающиеся лица сотрудников, список клиентов, среди которых мелькали названия крупных промышленных и фармацевтических компаний. В разделе «Услуги» значились «антикризисный PR», «управление репутацией» и «взаимодействие со СМИ».

— Управление репутацией, — пробормотал Грейн, усмехнувшись. — Скорее, ее ликвидация под ключ.

Он вернулся к исходному коду страниц, на которых были опубликованы статьи. Его интересовал не только сам текст, но и то, что скрывалось за ним — теги, метаописания, скрытые комментарии разработчиков. Часто именно там оставались следы реальных заказчиков или исполнителей, забытые в спешке.

Скрипт-анализатор, запущенный Грейном, прочесывал массивы данных, выискивая аномалии. Внезапно программа подала короткий звуковой сигнал. На экране высветилась строка из скрытого раздела комментариев на сайте одного из таблоидов, где боты активно обсуждали «сектантское прошлое» Васильева.

<meta name="campaign_id" content="RACIRS_Vasiliev_phase1">

Грейн нахмурился. РАЦИРС. Эта аббревиатура не встречалась ни в статьях, ни в официальных документах об увольнении. Аналитик скопировал слово и запустил поиск по закрытым базам данных и архивам судебных решений.

Результаты посыпались лавиной. РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Организация, позиционирующая себя как главный экспертный орган по борьбе с деструктивными культами. Десятки

упоминаний в прессе, сотни судебных экспертиз. И везде один и тот же паттерн: появление РАЦИРС в деле означало неминуемый крах для обвиняемого.

Грейн открыл архивную статью двухлетней давности. Речь шла о судебном процессе в Перми. Женщина, Елена Брессем, пыталась уйти от мужа, но тот, заручившись поддержкой экспертов РАЦИРС, обвинил ее в принадлежности к секте.

«Мне кажется, что Саша сам попал под влияние этих людей, — высказывала свои предположения Жанна Потапова журналистам, — он как будто зомбированный, никого слушать не хочет. Он уверен, что Лена состоит в секте, и на этом строит свою позицию в суде».

Дальше шло интервью руководителя РАЦИРС, Александра Дворкина, который заявлял, что приехал в Пермь «по частному делу», чтобы выступить экспертом в суде и помочь вернуть детей отцу, чья жена якобы попала под влияние секты.

— Знакомый почерк, — констатировал Грейн, прокручивая страницу вниз.

В статье упоминалось, что муж Елены, после того как связался с РАЦИРС, ушел в глубокое подполье, перестал общаться с родственниками, а все его действия координировались адвокатами ассоциации. Сама Елена жаловалась: *«Они у меня целый год жизни отобрали… планомерно стараются уничтожить мою карьеру»*.

Грейн открыл другой файл из архива. Статья анализировала методы работы антикультовых организаций. В ней описывался так называемый «сбор разведданных».

«Человек сидит в Миссионерском отделе, заходит на аккаунты и в группы религиозных организаций в соцсетях… Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то есть миссионер… заходит под именем “Вася” и “включает дурака”… То есть вступает в переписку анонимно… Это сбор разведданных. Работа под прикрытием».

Аналитик откинулся в кресле. Картина вырисовывалась пугающая. Против Васильева работал не просто отдел безопасности фармкомпании. Против него была задействована профессиональная структура, специализирующаяся на

информационном терроре и разрушении жизней под видом борьбы с сектами. Они использовали методы спецслужб: слежку, внедрение, психологическое давление, манипуляцию общественным мнением.

Их цель была ясна — маргинализировать Васильева, превратить его из уважаемого ученого в опасного фанатика, чьим словам о токсичности «Терванекса» никто не поверит.

Резкий звонок кнопочного телефона, лежащего на краю стола, разорвал тишину кабинета. Грейн мгновенно снял трубку.

— Грейн, это Васильев, — голос врача дрожал, срываясь на хрип. На заднем фоне слышалось гулкое эхо пустого помещения. — Они… они добрались до моей семьи.

— Успокойтесь, доктор. Где вы?

— Дома. В квартире. Но здесь никого нет. Жена… она забрала сына и уехала.

— Вы звонили ей?

— Телефон отключен. Ее мать тоже не отвечает. Грейн, на столе… тут целая пачка писем.

— Каких писем?

— Анонимных. Угрозы. Фотографии с красными крестами на лицах… Они писали ей, что я опасен, что я втянул семью в секту, что нас всех уничтожат, если она не уйдет. Она поверила им, Грейн. Она просто собрала вещи и сбежала.

Аналитик сжал челюсти. Вторая фаза началась быстрее, чем он ожидал. Информационная изоляция сменялась физическим давлением на близких.

— Ничего не трогайте, — приказал Грейн. — Я выезжаю. Буду через двадцать минут. Ждите в квартире и не открывайте никому дверь.

Он бросил телефон в карман куртки, подхватил ключи от машины и быстро вышел из кабинета.

Дом Васильева находился в спальном районе, застроенном типичными панельными многоэтажками. Грейн припарковал свой неприметный седан в соседнем дворе и пешком дошел до нужного подъезда.

Дверь с домофоном была приоткрыта — магнитный замок кто-то предусмотрительно заклеил куском изоленты. Грейн вошел в тускло освещенный подъезд. Воздух пах сыростью и жареным луком.

Лифт не работал. Аналитик поднялся на четвертый этаж, внимательно осматривая лестничные пролеты. На площадке перед квартирой Васильева было тихо.

Взгляд Грейна упал на блок почтовых ящиков, висевший на стене. Ящик с номером квартиры доктора был приоткрыт. Металлическая дверца слегка погнута.

Грейн подошел ближе, достал из кармана миниатюрный фонарик и посветил на замок. Вокруг замочной скважины блестели свежие следы прозрачного клея. Ящик не просто взломали. Его залили клеем, чтобы Васильев не смог открыть его ключом, а корреспонденцию — те самые анонимки с угрозами — подбрасывали прямо в щель, чтобы жена доктора гарантированно их нашла.

Это была грубая, но эффективная работа. Физический контакт, демонстрация того, что они знают, где живет жертва, и могут проникнуть в ее личное пространство в любой момент.

Дверь соседней квартиры скрипнула. В щели показалось настороженное лицо пожилой женщины.

— Вы к кому? — подозрительно спросила она, разглядывая Грейна.

— Здравствуйте. Я к Ивану Сергеевичу, — Грейн указал на дверь Васильева. — Вы не видели, кто-то посторонний здесь не крутился в последнее время?

Лицо женщины мгновенно исказилось от неприязни.

— К этому... сектанту? — она сплюнула на пол. — Ходят тут всякие. То письма какие-то суют, то по ночам шастают. А по телевизору-то что про него говорят! Опасный фанатик! Людей зомбирует! Я участковому звонила, так он говорит — разбираемся. Съехали бы они отсюда подобру-поздорову, пока беды не случилось.

Она с силой захлопнула дверь, щелкнув несколькими замками.

Грейн тяжело вздохнул. Ярлык прижился. Механизм заражения, описанный в статьях о методах РАЦИРС, работал безупречно. Соседи, еще вчера здоровавшиеся с уважаемым врачом, сегодня видели в нем угрозу, навязанную медийным нарративом.

Аналитик нажал на кнопку звонка квартиры Васильева. Дверь открылась почти мгновенно.

Доктор выглядел постаревшим на десять лет. Глаза воспалены, руки дрожат. Он молча отступил в коридор, пропуская Грейна.

Квартира зияла пустотой, присущей местам, покинутым в спешке. В прихожей валялась забытая детская игрушка — пластиковый динозавр. Дверцы шкафа-купе были распахнуты, демонстрируя пустые полки, где раньше лежали женские и детские вещи.

На кухонном столе, освещенном тусклой лампочкой под потолком, лежала стопка распечатанных на принтере листов.

Грейн подошел к столу и начал просматривать письма, не касаясь их голыми руками. Тексты были составлены грамотно, с использованием психологических триггеров.

«Ваш муж опасен для общества и для вашего ребенка. Он вовлечен в деструктивный культ. Если вы не заберете сына и не уйдете, органы опеки сделают это за вас. Мы знаем, в какой садик ходит ваш мальчик. Мы следим за вами».

К некоторым письмам были приколоты фотографии Васильева, сделанные скрытой камерой на улице, с нарисованными красным маркером мишенями на лице.

— Она нашла это вчера вечером, когда забирала почту, — глухо произнес Васильев, стоя в дверях кухни. — Я был на дежурстве… то есть, пытался встретиться с адвокатом по поводу увольнения. Когда я вернулся, их уже не было.

— Почтовый ящик вскрыли и залили клеем, — сообщил Грейн. — Они хотели, чтобы письма попали именно к ней, когда она попытается достать газеты.

— Зачем они это делают? — голос Васильева сорвался. — Я просто хотел сказать правду о токсичном препарате! При чем здесь моя семья?

Грейн повернулся к врачу.

— Потому что правда о препарате им невыгодна. А вы — препятствие. Они используют классическую тактику изоляции, описанную в методичках РАЦИРС. Сначала они уничтожают вашу профессиональную репутацию, заставляя коллег отвернуться от вас. Затем они бьют по самому уязвимому месту — по семье.

Аналитик указал на письма.

— Это не просто угрозы. Это часть технологии. Они внедряют страх в подсознание вашей жены, бомбардируя ее негативной информацией из разных источников: статьи в газетах, репортажи по телевизору, а теперь и эти письма. Они создают искусственную реальность, в которой вы — монстр. И она поверила в эту реальность, потому что инстинкт самосохранения и защиты ребенка оказался сильнее логики.

Васильев опустился на стул, закрыв лицо руками.

— Что мне теперь делать? Я потерял работу, репутацию, а теперь и семью.

— Выживать, — жестко ответил Грейн. — И собирать доказательства. То, что они перешли к физическим угрозам, означает, что они торопятся. «Северинта» давит на них, требуя скорейшего решения проблемы до выхода «Терванекса» на рынок.

Грейн достал из кармана смартфон и сфотографировал письма, стараясь захватить каждую деталь.

— Я заберу эти бумаги. Прогоню текст через лингвистический анализатор, поищу совпадения с известными паттернами РАЦИРС. Возможно, на бумаге остались микроследы от принтера.

Он аккуратно сложил листы в пластиковый файл, который нашел на подоконнике.

— Вам нельзя здесь оставаться, доктор. Ваш адрес засвечен. Соседи настроены враждебно. Следующим шагом может быть физическое нападение или провокация с участием полиции.

Васильев поднял голову. В его глазах читалась обреченность.

— Куда мне идти?

— У меня есть безопасное место. Небольшая квартира на другом конце города. Там нет камер в подъезде, и соседи никого не знают. Соберите самые необходимые вещи. Документы, ноутбук, жесткие диски с исследованиями. У вас десять минут.

Пока врач суетливо собирал сумку в спальне, Грейн еще раз осмотрел квартиру. Взгляд зацепился за семейную фотографию на стене: Васильев, его жена и маленький сын, улыбающиеся на фоне моря. Стекло на рамке было треснувшим — видимо, жена в спешке задела ее, снимая вещи с полки.

Механизм разрушения работал безупречно. РАЦИРС действовала как вирус, проникающий в социальные связи человека и уничтожающий их изнутри. Они не просто убивали репутацию; они стирали личность, превращая человека в изгоя.

Грейн вспомнил статью о методах работы антикультистов, которую читал в архиве. Там упоминалось о том, как они используют средства массовой информации для создания атмосферы ненависти, публикуя домашние адреса и фотографии своих жертв, провоцируя толпу на агрессию.

«В результате они столкнулись с волной общественной ненависти, насмешек и угроз...»

Именно это сейчас происходило с Васильевым. И Грейн понимал, что если они не найдут способ перехватить инициативу, доктор будет уничтожен окончательно.

Васильев вышел из спальни с небольшой дорожной сумкой. Он бросил последний взгляд на пустую квартиру.

— Пошли, — коротко сказал Грейн.

Они спустились по лестнице в молчании. На улице накрапывал мелкий дождь. Грейн быстро довел врача до своей машины, усадил на пассажирское сиденье и завел двигатель.

Автомобиль плавно тронулся с места, выезжая со двора. Грейн постоянно смотрел в зеркала заднего вида, проверяя, нет ли за ними слежки.

— Они не остановятся, верно? — тихо спросил Васильев, глядя в окно на проплывающие мимо серые многоэтажки.

— Не остановятся, — подтвердил аналитик. — РАЦИРС — это машина. Она не знает жалости или сомнений. У них есть заказ, и они будут выполнять его до конца.

— Значит, мы должны сломать эту машину.

Грейн искоса взглянул на врача. В голосе Васильева больше не было отчаяния. Там звучала решимость человека, которому больше нечего терять.

— Именно этим мы и займемся, — сказал Грейн, выруливая на проспект. — Но для этого нам нужно понять, кто ею управляет. Кто тот человек, который конвертирует научные исследования в уголовные дела и разрушенные судьбы.

Он вспомнил имя, которое обнаружил в скрытых файлах пиар-агентства, рядом с аббревиатурой РАЦИРС. Имя адвоката, специализирующегося на «защите деловой репутации».

Впереди их ждала встреча с юридическим тараном, который уже начал разгоняться, чтобы нанести окончательный удар.

Глава 3. Юридический таран Корелова

Зал ожидания Центрального вокзала гудел, как встревоженный улей. Звук объявлений по громкой связи тонул в шарканье сотен ног, грохоте колесиков чемоданов и обрывках фраз на разных языках.

Грейн сидел за пластиковым столиком в самом углу привокзального кафе, спиной к стене. Его взгляд методично сканировал толпу, выхватывая лица, оценивая походку и жесты проходящих мимо людей. Он ждал.

Следователь Марков появился ровно в назначенное время. Он не выделялся из толпы — потертая кожаная куртка, джинсы, надвинутая на лоб бейсболка. Марков подошел к столику, не глядя на Грейна, взял бумажный стаканчик с кофе, который аналитик купил заранее, и сел напротив.

— Ты рискуешь, Леша, — тихо произнес следователь, делая глоток. — И меня подставляешь.

— Я бы не просил, если бы не было крайней необходимости, — так же тихо ответил Грейн. — Что у тебя?

Марков огляделся. Никто не обращал на них внимания. Он достал из кармана куртки пачку сигарет, вытащил одну, покрутил в пальцах, затем бросил на стол небольшую черную флешку.

— Здесь копии материалов. Постановление о возбуждении уголовного дела и результаты лингвистической экспертизы, — следователь подался вперед, понизив голос до едва различимого шепота. — Слушай внимательно. Дело спущено сверху. Контроль жесткий. Заказчик — кто-то из очень высоких кабинетов.

Грейн незаметным движением смахнул флешку со стола в ладонь и опустил в карман.

— Статья?

— Двести тридцать девятая. Создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Плюс мошенничество.

Аналитик усмехнулся.

— Мошенничество? Васильев — ученый, он не собирал пожертвования.

— Им плевать, — Марков устало потер переносицу. — Они пришили ему незаконное обогащение за счет грантов, которые он получал на исследования. Но главное — это экспертиза. Это просто песня, Леша. Я такого бреда давно не читал. Но она подшита к делу, и на ее основании судья завтра выпишет ордер на арест счетов и имущества.

— Кто эксперт?

— Какой-то хрен с горы. Центр культурологических и религиоведческих исследований. Я пробил их по базам — шарашкина контора. Ни оборота, ни штата. Учредитель, директор и бухгалтер в одном лице. Классическая «однодневка», созданная специально под такие заказы.

Грейн кивнул. Все сходилось с той картиной, которую он начал выстраивать в своем кабинете.

— Спасибо, Марков. Я у тебя в долгу.

— Ты мне ничего не должен, — следователь поднялся. — Просто исчезни. И скажи своему доктору, чтобы готовился к худшему. Этот каток не остановить.

Марков растворился в толпе так же незаметно, как и появился. Грейн допил остывший кофе, подождал несколько минут и вышел из кафе через другой выход, направляясь к стоянке такси. Ему нужно было безопасное место, чтобы изучить содержимое флешки.

Через час Грейн сидел в своей конспиративной квартире — безликой студии на окраине города. На столе перед ним лежал ноутбук, отключенный от интернета. Аналитик вставил флешку, запустил антивирусный сканер, а затем открыл папку с документами.

Первым файлом было постановление о возбуждении уголовного дела. Сухой канцелярский язык, перечисление статей, подписи. Ничего нового.

Второй файл назывался «Экспертное_заключение_Васильев.pdf». Грейн открыл его и начал читать.

Документ состоял из сорока страниц. На первой странице красовался логотип того самого «Центра культурологических и религиоведческих исследований», о котором говорил Марков. Подпись под экспертизой принадлежала некоему специалисту по фамилии Воат.

Грейн быстро просмотрел вводную часть, где перечислялись материалы, предоставленные на экспертизу: статьи Васильева, записи его лекций для студентов, стенограммы выступлений на медицинских конференциях.

Аналитик перешел к разделу «Исследовательская часть». И здесь началось то, что Марков назвал «бредом».

«В текстах и устных выступлениях гр. Васильева И.С. выявлены устойчивые паттерны использования специфической терминологии, не свойственной общепринятому научному дискурсу. Термины “иммунный ответ”, “цитокиновый шторм”, “клеточная память” используются автором не в их прямом медицинском значении, а как метафоры для описания процессов трансформации личности».

Грейн нахмурился. Он перечитал абзац. Эксперт на полном серьезе утверждал, что базовые понятия иммунологии — это зашифрованные послания.

«Анализ синтаксических конструкций в лекциях гр. Васильева И.С. свидетельствует о применении им техник нейролингвистического программирования (НЛП) и эриксоновского гипноза. Частотное использование повелительного наклонения (“обратите внимание”, “посмотрите на график”, “запомните этот механизм”) является формой скрытого директивного внушения, направленного на подавление критического мышления аудитории и формирование некритичного восприятия информации».

— Фантастика, — пробормотал Грейн, откидываясь в кресле. — Любой преподаватель, который просит студентов посмотреть на график, теперь — гипнотизер.

Он продолжил чтение. С каждой страницей абсурд крепчал. Медицинские термины трактовались как «гипнотические команды». Объяснение механизмов действия препаратов — как «внедрение деструктивных установок». Призыв к критическому анализу результатов клинических испытаний «Терванекса» — как «формирование образа врага в лице официальной медицины и государства».

«Вывод: деятельность гр. Васильева И.С. носит ярко выраженный деструктивный характер. Под видом научной и преподавательской деятельности он осуществляет психологическое манипулирование, направленное на создание замкнутой группы последователей, полностью разделяющих его псевдонаучные взгляды и готовых к противоправным действиям».

Грейн закрыл файл. Это была не экспертиза. Это был приговор, замаскированный под научное исследование. Документ был составлен так,

чтобы любой судья, не разбирающийся в медицине и лингвистике, мог опереться на него при вынесении обвинительного приговора.

Аналитик открыл блокнот и начал выписывать ключевые моменты.

Первое: эксперт Воат не имел ни медицинского, ни лингвистического образования. В шапке документа значилось: «Специалист в области культурологии и религиоведения». Как культуролог мог оценивать научные медицинские тексты? Ответ был очевиден — никак. Он просто подгонял факты под заранее заданный результат.

Второе: использование специфической терминологии — «деструктивный характер», «скрытое манипулирование», «замкнутая группа». Это был словарь РАЦИРС. Те же самые слова использовались в статьях, которые уничтожили репутацию Васильева.

Грейн подключил второй ноутбук, предназначенный для работы в сети, и запустил поиск по фамилии Воат.

Результаты не заставили себя ждать. Алексей Воат оказался не просто случайным «экспертом». Он был активным участником конференций РАЦИРС и, что самое интересное, числился помощником адвоката в бюро «Корелов и партнеры».

Пазл начал складываться.

Грейн подошел к маркерной доске, висевшей на стене, и начал рисовать схему.

В центре он поместил кружок с надписью «Северинта». От него провел стрелку к прямоугольнику «Корелов и партнеры».

— Корпорация платит Корелову за решение проблемы с Васильевым, — произнес Грейн вслух, фиксируя мысль.

От Корелова стрелка пошла к кружку «РАЦИРС / Медиа-Консалт».

— Корелов запускает информационную атаку через пиар-агентство и структуры РАЦИРС. Ярлык наклеен. Репутация уничтожена.

Следующая стрелка — от Корелова к квадрату «Центр культурологических исследований (Воат)».

— Затем Корелов заказывает «экспертизу» у своего же карманного специалиста. Экспертиза пишется по шаблонам РАЦИРС, превращая медицинские термины в признаки секты.

И последняя стрелка — от «экспертизы» к треугольнику «Следствие / Суд».

— Следствие получает готовую экспертизу, которая является «царицей доказательств», и штампует уголовное дело. Суд опирается на экспертизу и выносит приговор. Механизм замкнулся.

Грейн отошел от доски, разглядывая схему. Это была идеальная машина по уничтожению неугодных. Законная, формально безупречная и абсолютно безжалостная.

Он вспомнил материалы из архива, которые читал накануне. Дело Елены Брессем. Там тоже фигурировал Корелов. И там тоже была абсурдная экспертиза, доказывающая, что женщина — сектантка, потому что она продавала косметику.

«На адвокатский запрос Корелова отвечает сам же Дворкин, “заключение” по Гербалайфу подготовил ученик Дворкина Алексей Воат… Слаженная работа, ничего не скажешь».

Тот же Воат. Тот же Корелов. Та же схема.

Аналитик вернулся к ноутбуку и запустил поиск видеозаписей судебных заседаний с участием Вадима Корелова. Ему нужно было увидеть этого человека в действии. Понять, как он работает с судьями, как использует эти сфабрикованные экспертизы.

Через несколько минут Грейн нашел то, что искал. Запись с открытого судебного процесса двухлетней давности. Дело об опеке над ребенком.

На экране появился зал суда. За столом обвинения сидел мужчина в безупречном костюме — Вадим Корелов. Его лицо было спокойным, почти надменным. Он говорил негромко, но очень четко, делая паузы в нужных местах.

— Ваша честь, — голос Корелова звучал уверенно, с легкими нотками снисходительности. — Защита пытается представить нам эту ситуацию как обычный семейный конфликт. Но мы имеем дело с совершенно иным явлением.

Экспертиза, проведенная компетентными специалистами, однозначно указывает на то, что ответчица находится под влиянием деструктивной организации.

Корелов взял со стола документ — точно такой же, какой сейчас лежал на флешке Грейна, — и потряс им в воздухе.

— Эксперт четко зафиксировал использование техник контроля сознания. Ответчица не принимает самостоятельных решений. Ее воля подавлена. Оставление ребенка с ней представляет прямую угрозу его психологическому здоровью и безопасности. Мы не можем рисковать жизнью несовершеннолетнего, опираясь на иллюзорные представления о материнской любви, когда факты говорят о сектантском зомбировании.

Грейн остановил видео.

Риторика была идентичной. Корелов не оперировал фактами. Он оперировал страхом. Он использовал экспертизу как дубину, чтобы запугать судью, заставить его поверить в существование невидимой угрозы.

«Формально статья 307 УК РФ должна быть мощным сдерживающим механизмом, обеспечивающим объективность экспертов», — вспомнил Грейн строчки из аналитической статьи о правовой базе. — «Но на практике главное слабое место этой нормы — необходимость доказать именно “умышленную ложность”… В реальности недобросовестный эксперт почти всегда может прикрыться ссылками на “субъективное мнение” или “специфическую методику”».

Корелов знал это. Он знал, что доказать злой умысел Воата будет практически невозможно. Эксперт скажет, что он так видит, что это его научная позиция. А судья, не желая вникать в тонкости лингвистики и медицины, примет экспертизу как допустимое доказательство.

Грейн потер виски. Голова гудела от напряжения.

Машина Корелова работала безупречно, потому что она использовала уязвимости самой правовой системы. Она превращала закон в инструмент террора.

Аналитик посмотрел на часы. Было уже поздно. Завтра утром судья подпишет ордер на арест счетов Васильева. Это будет первый официальный удар государственной машины, спровоцированный Кореловым.

Грейн достал кнопочный телефон и набрал номер Васильева.

— Да? — голос врача звучал глухо.

— Доктор, это Грейн. У меня плохие новости.

— Я слушаю.

— Уголовное дело возбуждено. Статья 239 — создание деструктивной организации. В основе дела лежит лингвистическая экспертиза ваших лекций и статей. Эксперт утверждает, что вы используете гипноз и НЛП для создания секты.

На том конце провода повисла долгая пауза.

— Это… это же бред, — наконец произнес Васильев. — Любой независимый эксперт разобьет это заключение в пух и прах.

— Проблема в том, что суд не назначит независимую экспертизу, — жестко ответил Грейн. — За этой экспертизой стоит адвокат Вадим Корелов. Он специализируется на таких делах. Он использует аффилированных экспертов, чтобы фабриковать обвинения. И у него отличные связи.

— Что это значит для меня?

— Это значит, что завтра утром ваши банковские счета будут заблокированы. Имущество арестовано. Это стандартная процедура по таким делам. Они хотят лишить вас ресурсов для защиты.

— Мои счета… — голос Васильева дрогнул. — У меня там все деньги. Я даже за квартиру заплатить не смогу.

— Вам не нужно платить за квартиру. Вы остаетесь там, где сейчас находитесь. Завтра утром снимите в банкомате всё, что сможете, до того как система обновится. Это ваш единственный шанс получить наличные.

— Понял. А дальше?

— А дальше мы будем искать слабое место в их схеме. Корелов работает через фирмы-однодневки и подставных экспертов. Это значит, что где-то

должны быть следы финансовых транзакций. Оплата за эти «экспертизы». Связь с «Северинтой». Если мы найдем эти проводки, мы сможем доказать факт заказного преследования.

— Вы думаете, это возможно?

— Я аналитик, доктор. Я ищу закономерности. А жадность — это самая предсказуемая закономерность из всех.

Грейн отключился. Он посмотрел на схему, нарисованную на доске.

Корелов был силен. У него был ресурс, связи, отлаженный механизм. Но у него была и слабость — он чувствовал себя безнаказанным. Он использовал одних и тех же людей, одни и те же схемы, не утруждая себя заметанием следов. Он считал, что никто не осмелится бросить ему вызов.

Грейн подошел к ноутбуку, подключенному к сети. Он открыл терминал и начал писать скрипт. Скрипт, который должен был прочесать закрытые базы данных арбитражных судов, реестры юридических лиц и слитые базы банковских транзакций, выискивая любые пересечения между «Северинтой», адвокатским бюро Корелова и структурами РАЦИРС.

Это была долгая и кропотливая работа. Но Грейн знал, что где-то в этом массиве данных скрывается ошибка. Ошибка, которая позволит ему разрушить юридический таран Корелова до того, как тот окончательно раздавит доктора Васильева.

Свет от монитора отражался в глазах аналитика. Цифры и строчки кода бежали по экрану, складываясь в невидимую сеть, которую Грейн забрасывал в темные воды корпоративных тайн. Охота на охотника началась. И в этой игре правила будут меняться.

Глава 4. Гражданская смерть

Аптечный терминал коротко пискнул и высветил на экране красную надпись: «Транзакция отклонена». Фармацевт, женщина средних лет с усталым лицом, недовольно вздохнула и пододвинула терминал ближе к стеклу.

— У вас недостаточно средств или карта заблокирована, — произнесла она монотонным голосом, не глядя на покупателя. — Будете пробовать другую?

Васильев стоял перед окошком, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. В руках он сжимал пластиковую карточку зарплатного проекта Института. На счету должна была лежать приличная сумма — остаток по гранту и отпускные.

— Да, конечно, секунду, — пробормотал он, лихорадочно доставая из бумажника кредитку другого банка.

Вторая попытка завершилась тем же результатом. Красный крест на экране терминала казался Васильеву огромным. За его спиной в небольшой очереди кто-то нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Мужчина, вы брать будете? У меня люди ждут, — голос фармацевта стал резче.

Врач посмотрел на упаковку успокоительного, лежащую на лотке. Стоимость — сущие копейки. Но у него не было даже этих копеек. Все его счета, все финансовые артерии оказались перерезаны одним росчерком судейского пера.

— Извините, я… я зайду позже, — Васильев развернулся и быстро вышел из аптеки, не замечая косых взглядов.

Холодный осенний ветер ударил в лицо, заставив поежиться. Доктор поднял воротник куртки и зашагал вдоль улицы, стараясь не смотреть на прохожих. Ему казалось, что каждый встречный узнает в нем «лидера секты» из газетных статей. Ярлык, придуманный в кабинетах пиар-агентства «Медиа-Консалт» и закрепленный карманной экспертизой Корелова, работал безотказно.

Слова Грейна, сказанные накануне вечером, теперь звучали в голове как приговор: *«Завтра утром ваши банковские счета будут заблокированы. Имущество арестовано. Это стандартная процедура по таким делам»*. Аналитик был прав. Государственная машина, запущенная адвокатом Кореловым, начала перемалывать жизнь Васильева, методично лишая его любых ресурсов для сопротивления.

Васильев достал из кармана кнопочный телефон, выданный Грейном. Экран оставался темным. Аналитик запретил включать аппарат без крайней необходимости, чтобы не выдать их местоположение. Доктор убрал телефон обратно и ускорил шаг, направляясь к своему дому. Ему нужно было забрать оставшиеся документы и жесткий диск с архивом исследований, которые он не успел взять вчера.

Серый неприметный седан Грейна стоял в соседнем дворе, скрытый за раскидистыми кустами сирени. Из окна автомобиля открывался отличный обзор на подъезд Васильева. Аналитик сидел на водительском сиденье, опустив спинку, и внимательно наблюдал за улицей через бинокль.

Прошлой ночью он почти не спал. Скрипт, запущенный для поиска связей между холдингом «Северинта», адвокатским бюро Корелова и структурами РАЦИРС, продолжал просеивать терабайты информации. Грейн оставил ноутбук работать на конспиративной квартире, а сам с раннего утра занял позицию у дома доктора. Интуиция подсказывала ему, что блокировкой счетов дело не ограничится.

Взгляд аналитика скользнул по детской площадке, затем переместился на арку, ведущую во двор. Ничего подозрительного. Обычное утро спального района.

Внезапно в поле зрения появился темно-синий микроавтобус с тонированными стеклами. Он медленно въехал во двор и остановился у соседнего подъезда. Через минуту из арки вынырнул второй такой же микроавтобус и перекрыл выезд.

Грейн подобрался. Номера на машинах были обычными, гражданскими, но манера вождения и синхронность действий выдавали профессионалов. Из первого микроавтобуса вышли четверо крепких мужчин в штатском. Они не

стали озираться по сторонам, а целенаправленно направились к подъезду Васильева.

Один из них достал из кармана связку ключей, подошел к двери с домофоном и, не тратя времени на набор кода, открыл ее универсальным ключом. Группа скрылась в подъезде.

— Началось, — тихо произнес Грейн, доставая телефон.

Он набрал номер Васильева. Гудки шли мучительно долго.

— Да? — голос доктора звучал запыхавшимся.

— Где вы? — резко спросил Грейн.

— Подхожу к дому. Зашел в арку.

— Стойте! Не двигайтесь дальше.

Васильев замер в тени арки. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что случилось?

— Во дворе два микроавтобуса. Группа захвата уже в вашем подъезде. Они пришли с обыском.

Доктор почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Но у меня там… жесткий диск. Все мои исследования. Я должен их забрать!

— Вы ничего не заберете, Васильев. Если вы сейчас зайдете в подъезд, вас арестуют. Они найдут у вас в квартире всё, что им нужно для обвинения, и даже то, чего там никогда не было.

Грейн наблюдал за окнами квартиры доктора на четвертом этаже. Пока там было темно.

— Слушайте меня внимательно, — голос аналитика звучал предельно спокойно и жестко. — Бросайте телефон. Немедленно. Они могут запеленговать сигнал.

— Но как же мы…

— Бросайте телефон! И уходите. Не через двор. Идите вдоль дома, там есть спуск в подвал. Дверь закрыта на ржавый замок, его можно сбить камнем.

Спускайтесь туда и идите до конца коридора. Там будет выход на соседнюю улицу. Я подберу вас там.

Васильев посмотрел на телефон в своей руке. Аппарат казался тяжелым, как свинцовый слиток. Он размахнулся и швырнул его в кусты, затем развернулся и побежал вдоль стены дома, стараясь держаться в тени.

Грейн не отрывал взгляда от бинокля. В окнах квартиры Васильева вспыхнул свет. Оперативники вошли внутрь.

Аналитик знал, как работают такие группы. Они не ищут истину, они формируют доказательную базу. В делах, которые курировал Корелов, доказательства всегда находились с удивительной легкостью.

Грейн вспомнил материалы из архива, переданного Марковым. Дело Елены Брессем. Женщина пыталась уйти от мужа, который, заручившись поддержкой РАЦИРС, обвинил ее в принадлежности к секте. В материалах упоминалось, как представители РАЦИРС предлагали свои услуги: *«состряпают документы, выступят на суде свидетелями — всё это за определённую плату»*.

Именно это сейчас происходило в квартире Васильева. Они «стряпали» документы.

В бинокль Грейн увидел, как один из оперативников подошел к окну. Мужчина оглядел двор, затем достал из внутреннего кармана куртки небольшой предмет, похожий на внешний жесткий диск, и положил его на подоконник. Через секунду он отошел вглубь комнаты.

Аналитик усмехнулся. Классика. Подброшенная улика. Теперь в деле появится «неопровержимое доказательство» — диск с экстремистскими материалами, инструкциями по гипнозу или списками завербованных пациентов. Эксперт Воат с радостью подтвердит их подлинность.

Грейн завел двигатель и медленно выехал со двора, стараясь не привлекать внимания. Он обогнул квартал и остановился на узкой улочке, куда выходил черный ход из подвала.

Прошло пять минут. Десять. Дверь подвала оставалась закрытой.

Грейн постучал пальцами по рулю. Если Васильев не успел спуститься в подвал, если его перехватили…

Ржавые петли скрипнули, и из темноты подвала вынырнула фигура в измятой куртке. Васильев тяжело дышал, его лицо было перепачкано паутиной и пылью. Он огляделся по сторонам, заметил машину Грейна и бросился к ней.

Доктор рухнул на пассажирское сиденье, захлопнув за собой дверь.

— Поехали, — выдохнул он.

Грейн нажал на газ, и седан сорвался с места, вливаясь в поток машин на проспекте.

— Они в квартире, — сказал Грейн, глядя в зеркало заднего вида. — Я видел, как один из них подбросил жесткий диск.

Васильев закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

— Там были оригиналы моих исследований. Мои записи. Анализы крови пациентов контрольной группы. Всё, что доказывает токсичность «Терванекса».

— Забудьте об этом, — жестко ответил Грейн. — Эти материалы больше не существуют. Они будут уничтожены или засекречены. А вместо них в деле появится диск с пособиями по нейролингвистическому программированию.

Машина петляла по городу, уходя от возможных хвостов. Грейн выбирал маршруты без камер видеонаблюдения, сворачивал в узкие переулки, проезжал через промышленные зоны.

— Что теперь? — голос Васильева звучал глухо, лишенный всякой надежды. — Мои счета заблокированы. Квартира обыскана. Доказательства уничтожены. Я никто. У меня ничего нет.

— У вас есть жизнь, доктор, — Грейн бросил на него короткий взгляд. — И пока вы живы, игра не закончена.

Они выехали на окраину города, где среди серых бетонных заборов и заброшенных складов прятался неприметный пятиэтажный дом. Грейн припарковал машину в темном углу двора, и они быстро поднялись на третий этаж.

Конспиративная квартира встретила их тишиной и запахом пыли. На столе гудел оставленный включенным ноутбук.

— Располагайтесь, — Грейн бросил ключи на тумбочку. — Здесь безопасно. Еда в холодильнике, вода в бутылках. На улицу не выходить. К окнам не подходить.

Доктор опустился на стул, тяжело дыша. Его руки все еще дрожали после бегства по темному подвалу. На куртке виднелись серые следы штукатурки.

— Они забрали всё, — прошептал Васильев, глядя в пустоту. — Оригиналы тестов. Записи. Всю мою жизнь.

Доктор выглядел сломленным. Механизм подавления, описанный в статьях о методах РАЦИРС, сработал безупречно. Человека лишили социальных связей, репутации, средств к существованию и, наконец, безопасного пространства.

Грейн подошел к ноутбуку и вывел его из спящего режима. Скрипт закончил работу, сформировав объемный отчет. Аналитик начал просматривать результаты.

— Вы читали материалы, которые я вам оставил? — спросил Грейн, не отрываясь от экрана.

Васильев кивнул.

— Да. Про Свидетелей Иеговы. Про методы допросов… Это страшно.

— Это система, доктор, — Грейн открыл один из файлов отчета. — *«Подобная ситуация была цинична ещё тем, что когда они получали признательные показания, то записывали на дощечку канцелярскую то, на что согласилась жертва… На стол ему кладут готовые ответы, полученные под пытками. Следователь берёт в присутствии палачей и вносит их в протокол»*.

Аналитик повернулся к Васильеву.

— Они не ищут правду. Они конструируют реальность. И в этой реальности вы — преступник. Ваша ошибка в том, что вы пытались бороться с ними их же методами — фактами, исследованиями, логикой. Но с машиной террора нельзя договориться. Ее можно только сломать.

— Как? — Васильев поднял на него воспаленные глаза. — У нас ничего нет!

— У нас есть информация, — Грейн указал на экран ноутбука. — Скрипт нашел пересечения.

Он развернул окно с графиками и таблицами.

— Смотрите. Пиар-агентство «Медиа-Консалт», которое разгоняло статьи о вас, регулярно получает транши от некоммерческого фонда «Здоровье нации». Учредитель этого фонда — Вадим Корелов. А теперь самое интересное: фонд финансируется за счет пожертвований. И главный спонсор — дочерняя компания «Северинта».

Грейн удовлетворенно хмыкнул.

— Цепочка замкнулась. Корпорация платит Корелову через подставной фонд. Корелов нанимает пиарщиков для информационной атаки и экспертов для фабрикации дела. РАЦИРС обеспечивает идеологическое прикрытие и методички.

Васильев подошел к столу, вглядываясь в цифры на экране.

— Это доказывает заказной характер дела. Но кто нам поверит? Суд не примет эти данные, они получены незаконно.

— Суд — это часть их системы, — отрезал Грейн. — Мы не пойдем в суд. Мы ударим по их репутации. По их бизнесу. Если мы сможем доказать, что «Северинта» финансирует незаконные методы преследования ученых, их акции рухнут. Инвесторы отвернутся от них.

Аналитик открыл новую вкладку и запустил защищенный мессенджер.

— Но этих данных недостаточно. Нам нужны прямые доказательства. Внутренняя переписка Корелова. Бухгалтерия его адвокатского бюро.

— Вы собираетесь взломать их серверы? — Васильев с ужасом посмотрел на Грейна. — Это же уголовное преступление!

— А фабрикация уголовного дела — это не преступление? Подбрасывание улик — не преступление? — Грейн жестко посмотрел на врача. — Мы на войне, доктор. И правила на этой войне диктуют они. Я лишь использую их оружие против них самих.

Он снова повернулся к монитору. Пальцы быстро застучали по клавиатуре, набирая сложный код.

Васильев отошел к окну и осторожно выглянул сквозь щель в жалюзи. Город жил своей жизнью, не подозревая о невидимой войне, развернувшейся на его улицах. Врач вспомнил слова из статьи, которую читал ночью: *«Есть шанс посбрасывать оковы, Надежда есть и есть добро. Огонь добра теплится в каждом. Ты разожги его сильней»*.

Раньше он считал эти строки наивной патетикой. Теперь они звучали как призыв к действию.

Грейн работал молча. Его лицо, освещенное синеватым светом монитора, казалось маской, лишенной эмоций. Он был аналитиком, который готовился вскрыть гнойник, поразивший правовую систему.

Внезапно Грейн остановился и нахмурился.

— Что такое? — спросил Васильев, подходя ближе.

— Защита у Корелова серьезная, — пробормотал аналитик. — Они используют распределенные серверы. Прямой взлом займет слишком много времени, и они могут засечь проникновение.

Он откинулся в кресле, барабаня пальцами по столу.

— Нам нужен доступ изнутри. Или кто-то, кто знает архитектуру их сети.

Васильев задумался.

— Вы говорили, что в деле Елены Брессем тоже фигурировал Корелов. И там тоже была экспертиза, написанная его человеком.

— Да. Алексей Воат. Он числится помощником адвоката в бюро Корелова.

— А что, если… — Васильев неуверенно посмотрел на Грейна. — Что, если этот Воат — слабое звено? Он не юрист, он просто исполнитель. Возможно, он оставляет следы.

Грейн медленно кивнул. В его глазах блеснул интерес.

— Вы начинаете мыслить как аналитик, доктор. Воат действительно может быть ключом. Если он пишет эти экспертизы, значит, он получает доступ к материалам дел. Значит, у него есть аккаунт во внутренней сети бюро.

Грейн быстро вбил имя Воата в поисковик. На экране появились ссылки на его статьи, выступления на конференциях РАЦИРС, профили в социальных сетях.

— Посмотрим, насколько он осторожен в цифровом мире, — произнес Грейн, запуская программу для сбора информации из открытых источников.

Система начала собирать данные: адреса электронной почты, привязанные номера телефонов, историю посещений сайтов. Через десять минут Грейн торжествующе улыбнулся.

— Бинго. Наш эксперт использует один и тот же пароль для личной почты и для регистрации на форумах любителей античной истории.

— И что это нам дает?

— Это дает нам шанс. Если он настолько беспечен в личной жизни, возможно, он использует тот же пароль или его вариации для доступа к рабочим серверам.

Грейн открыл терминал и начал писать новый скрипт.

— Нам нужно найти точку входа. Платформу, через которую они обмениваются документами.

Он работал быстро и сосредоточенно. Васильев стоял рядом, не смея мешать. Он понимал, что сейчас решается его судьба.

Прошел час. Грейн остановил скрипт и посмотрел на результаты.

— Есть, — тихо сказал он. — Я нашел скрытый VPN-шлюз, который ведет во внутреннюю сеть адвокатского бюро «Корелов и партнеры».

Он ввел логин Воата, полученный из баз данных, и начал подбирать пароль, используя словарь, составленный на основе интересов эксперта.

Система несколько раз выдавала ошибку. Грейн менял комбинации, добавлял цифры, менял регистр.

Наконец, после десятой попытки, экран мигнул, и вместо красной надписи «Доступ запрещен» появилась зеленая строка: «Соединение установлено».

Грейн оказался внутри защищенной сети Корелова.

Он быстро пробежался по структуре папок. «Договоры», «Судебная практика», «Архив дел». И, наконец, то, что он искал: папка «Внутренняя бухгалтерия».

Аналитик кликнул по ней. Система запросила дополнительный пароль.

— Черт, — выругался Грейн. — Двойная аутентификация. Пароль Воата здесь не сработает.

Он попытался обойти защиту, но система мгновенно заблокировала доступ и выдала предупреждение о несанкционированном проникновении.

Грейн быстро разорвал соединение и стер логи.

— Нас засекли? — испуганно спросил Васильев.

— Нет, я успел замести следы. Но этот путь закрыт. Они изменят пароли и усилят защиту.

Грейн тяжело вздохнул и потер виски.

— Прямой взлом отменяется. Нам нужен другой подход. Нам нужно найти базу данных, где собрана информация о всех подобных делах. Место, где мы сможем увидеть полную картину работы РАЦИРС и Корелова, а не только ваш случай.

Он посмотрел на Васильева.

— Вы говорили, что связывались с международной платформой правовой защиты, когда вас уволили.

— Да, — кивнул доктор. — Я отправлял им запрос, но они ответили стандартной отпиской. Сказали, что мое дело не входит в их юрисдикцию.

Грейн задумчиво посмотрел на монитор.

— У этих платформ есть закрытые базы данных. Они собирают информацию о нарушениях прав человека по всему миру. Если РАЦИРС и Корелов работают так масштабно, как я думаю, их следы должны быть там.

Он открыл новый чистый файл.

— Я знаю человека, который может дать нам доступ к этой базе. Но это будет стоить дорого. И это очень опасно.

Васильев посмотрел на свои пустые руки. У него больше не было денег. У него не было ничего, кроме решимости идти до конца.

— У нас нет выбора, Грейн. Делайте то, что нужно.

Аналитик кивнул. Он начал набирать зашифрованное сообщение, готовясь к погружению в глубины информационного подполья, где хранились секреты, способные разрушить империю Корелова.

— Ваша жизнь сейчас здесь, доктор, — жестко произнес Грейн, указывая на мерцающий монитор. — И она зависит от того, насколько быстро мы найдем слабое место в их системе.

Глава 5. База данных правовой защиты

Грейн подключил к ноутбуку внешний жесткий диск с зашифрованными ключами доступа. Пальцы быстро забегали по клавиатуре, вводя многоступенчатые пароли и настраивая VPN-туннели. Ему предстояло проникнуть в закрытый реестр международной платформы правовой защиты — базу данных, куда стекалась информация о неправосудных приговорах, сфабрикованных делах и политически мотивированных преследованиях со всего мира.

Васильев подошел ближе, вглядываясь в строчки кода, бегущие по черному экрану терминала.

— Вы уверены, что мы найдем там что-то полезное? — с сомнением спросил врач. — Я писал им, когда меня уволили. Они прислали стандартный отказ.

— Официальные каналы работают медленно и бюрократично, — ответил Грейн, не отрываясь от экрана. — Мы пойдем другим путем. Я использую учетную запись человека, который имеет доступ к сырым данным, еще не прошедшим модерацию. Это стоит дорого, но у нас нет выбора.

Система запросила последний ключ аутентификации. Аналитик ввел длинную последовательность символов, и на экране появился строгий минималистичный интерфейс базы данных.

Грейн открыл поисковую строку и вбил первые параметры: «Россия», «статья 239 УК РФ», «экспертиза», «РАЦИРС».

Поисковик задумался на несколько секунд. Затем на экране высветился результат: «Найдено совпадений: 87».

— Восемьдесят семь дел, — пробормотал Грейн, сузив глаза. — И это только те, что попали в поле зрения правозащитников.

Он добавил еще один фильтр: «Корелов».

Количество результатов сократилось до двадцати трех.

— Двадцать три дела за три года, — Грейн откинулся в кресле. — Двадцать три человека, уничтоженных по той же схеме, что и вы.

Аналитик начал открывать файлы один за другим. На экране замелькали имена, даты, выдержки из судебных решений и экспертных заключений.

Первое дело. Эколог из Краснодарского края, выступавший против строительства химического завода. Обвинен в создании «деструктивного культа поклонения природе». Экспертиза подписана специалистом из центра, аффилированного с РАЦИРС. Адвокат потерпевшей стороны — Вадим Корелов.

Второе дело. Независимый журналист из Екатеринбурга, расследовавший махинации с муниципальной недвижимостью. Объявлен лидером «секты, пропагандирующей ненависть к государственным служащим». Та же схема, те же лица.

Третье дело. Предприниматель из Новосибирска, отказавшийся продавать свой бизнес конкурентам. Признан виновным в «психологическом кодировании сотрудников».

Грейн запустил принтер, стоявший на полу в углу комнаты. Аппарат зажужжал, выплевывая листы с распечатками досье. Аналитик брал каждый лист, бегло просматривал его и прикреплял к пустой стене с помощью клейкой ленты.

Постепенно стена покрывалась бумажными прямоугольниками, образуя жуткую мозаику разрушенных судеб.

— Посмотрите на это, доктор, — Грейн указал на стену. — Это не просто отдельные случаи. Это индустрия. Коммерческое предприятие, специализирующееся на устранении конкурентов и критиков.

Васильев подошел к стене. Его взгляд скользил по именам и фотографиям людей, чьи жизни были сломаны так же, как его собственная. Он остановился напротив досье с фотографией мужчины в очках, с усталым, но решительным лицом.

— Сергей Мельников, — прочитал Васильев вслух, и его голос дрогнул. — Боже мой...

— Вы его знаете? — Грейн повернулся к врачу.

— Да. Мы вместе учились в аспирантуре. Он уехал в Сибирь, занимался экологией, изучал влияние промышленных выбросов на здоровье детей. Мы переписывались несколько лет назад. Он писал, что нашел что-то серьезное, собирался публиковать отчет. А потом связь оборвалась.

Васильев снял лист со стены и начал вчитываться в текст.

— «Обвиняется в создании закрытой группы экологических экстремистов. Экспертиза установила использование методов психологического манипулирования для вовлечения молодежи в противоправную деятельность...» — врач поднял глаза на Грейна. — Это же слово в слово то, что они написали в моей экспертизе!

Грейн взял из рук Васильева досье Мельникова и положил его на стол рядом со своим ноутбуком.

— Давайте посмотрим внимательнее.

Аналитик открыл полный файл дела Мельникова в базе данных. Он пробежал глазами по хронологии событий.

— Смотрите. Сначала — серия дискредитирующих статей в местной прессе. «Эколог-фанатик», «Зеленая секта». Затем — увольнение из института. Блокировка счетов. Обыск с изъятием всех рабочих материалов. И, наконец, суд

с заранее предрешенным исходом, основанный на абсурдной лингвистической экспертизе.

Грейн вывел на экран текст экспертного заключения по делу Мельникова.

— «Использование терминов “экосистема”, “биоценоз” и “устойчивое развитие” в контексте критики промышленного предприятия свидетельствует о формировании деструктивных установок, направленных на подрыв экономической стабильности региона».

Аналитик усмехнулся.

— Они даже не стараются менять шаблоны. Просто подставляют нужные слова. У вас — «иммунный ответ», у него — «экосистема». Суть одна: превратить научную терминологию в доказательство преступного умысла.

Васильев опустился на стул, обхватив голову руками.

— Сергей получил пять лет колонии. За то, что пытался защитить детей от отравления.

— И за то, что перешел дорогу крупной корпорации, — добавил Грейн. — В его случае это был металлургический комбинат. В вашем — фармацевтический холдинг. Заказчики разные, исполнитель один.

Аналитик вернулся к стене и начал выстраивать распечатки в хронологическом порядке, соединяя их линиями, нарисованными красным маркером.

— Это технология, доктор. Отлаженная, как швейцарские часы. И она работает не только в России.

Грейн открыл еще один файл из базы данных.

— Вот, например, дело Павла Гонсалеса. Журналист, имевший испанское и российское гражданство. Работал в Европе, сотрудничал с независимыми изданиями.

Аналитик вывел на экран выдержку из отчета правозащитников.

— *«Помимо La Sexta, Гонсалес сотрудничал с Público, Gara, Naiz, а также являлся директором и соучредителем Eulixe, независимого цифрового*

издания». В этих изданиях, как отмечают аналитики, регулярно публиковались материалы с антикультовой риторикой, идентичной нарративам РАЦИРС.

— При чем здесь журналист из Испании? — не понял Васильев.

— При том, что методы одни и те же, — Грейн постучал пальцем по экрану. — *«Обвинение в работе на иностранное государство — один из излюбленных методов антикультистов, совершаемый с целью дискредитации той или иной обозначенной ими мишени»*. Они используют журналистов, политиков, общественных деятелей для создания нужного информационного фона. Они формируют общественное мнение, навешивают ярлыки, а затем в дело вступает карательная машина.

Грейн вернулся к ноутбуку и открыл еще один документ.

— А вот это уже ближе к нам. Статья о внедрении антикультовых агентов в ряды европейских экологических партий. *«Цель заключается не только в сборе информации, но и в воздействии на общество и, следовательно, на лиц, принимающих решения…»*

Аналитик посмотрел на Васильева.

— Они не просто уничтожают отдельных людей. Они пытаются контролировать целые сферы — экологию, медицину, политику. Любой, кто выступает с независимой позицией, рискует стать их мишенью.

Васильев молча смотрел на стену, усеянную бумажными прямоугольниками. Двадцать три сломанные судьбы. Двадцать три человека, которые пытались сказать правду и были раздавлены безжалостной машиной.

— Мы должны их остановить, — тихо, но твердо произнес врач.

— Именно поэтому мы здесь, — Грейн сел за стол и снова погрузился в изучение базы данных. — Нам нужно найти связующее звено. Точку, где пересекаются интересы заказчиков и исполнителей. Финансовые потоки.

Аналитик начал фильтровать дела по названиям компаний, которые выступали инициаторами преследований или получали выгоду от устранения конкурентов. Металлургические комбинаты, строительные корпорации, фармацевтические холдинги.

Внезапно его внимание привлек один документ, прикрепленный к делу Мельникова. Это была копия выписки со счета некоммерческого фонда поддержки экологических инициатив, который выступал соистцом в суде против эколога.

Грейн увеличил изображение на экране.

— Интересно, — пробормотал он.

— Что там? — Васильев подошел ближе.

— Этот фонд, который якобы защищал экологию от Мельникова, получил крупное пожертвование за месяц до начала информационной атаки. Отправитель — компания «Строй-Инвест».

Грейн быстро вбил название компании в поисковик по базе данных арбитражных судов.

— «Строй-Инвест» — дочерняя структура того самого металлургического комбината, с которым боролся Мельников.

Аналитик открыл файл с делом предпринимателя из Новосибирска.

— Идем дальше. Здесь инициатором иска выступал фонд защиты прав потребителей. Посмотрим их финансирование… Бинго. Крупный транш от фирмы-однодневки, связанной с конкурентами предпринимателя.

Грейн откинулся в кресле, удовлетворенно хмыкнув.

— Схема предельно цинична. Заказчик переводит деньги на счета различных некоммерческих фондов и общественных организаций, которые контролируются Кореловым и его людьми. Эти фонды выступают инициаторами кампаний по дискредитации и подают судебные иски. Таким образом, заказчик остается в тени, а преследование выглядит как инициатива обеспокоенной общественности.

— Но как это доказать? — спросил Васильев. — Выписки со счетов фондов — это косвенные улики. Они всегда могут сказать, что это просто совпадение.

— Совпадение? — Грейн горько усмехнулся. — Вы читали статью о связях антикультистов с политиками? *«Антидемократическая деятельность антикультистов на протяжении последних тридцати лет с элементами*

дестабилизации и с наличием связей с крайне сомнительными личностями и группами уже не может быть просто совпадением. Или всё-таки все вышеперечисленные факты соответствующие органы сочтут за совпадение?»

Аналитик встал и прошелся по комнате.

— Система построена так, чтобы официальные органы считали это совпадением. Они не видят картины в целом. Или не хотят видеть. Но мы видим.

Грейн остановился перед стеной с распечатками.

— У нас есть двадцать три дела. Двадцать три эпизода, доказывающих существование организованной преступной группы, специализирующейся на фабрикации уголовных дел и уничтожении репутаций. Нам нужно только найти прямую связь между Кореловым и деньгами «Северинты».

Он посмотрел на часы. Было уже за полночь.

— Завтра мы начнем копать глубже. Я запущу скрипты для анализа финансовых транзакций адвокатского бюро Корелова. Если они получают деньги от корпораций, они должны как-то их легализовать.

Васильев кивнул. Усталость брала свое, но в его глазах больше не было отчаяния. Только решимость человека, вступившего в бой, в котором нельзя проиграть.

Грейн выключил основной свет, оставив гореть только настольную лампу. Конспиративная квартира погрузилась в полумрак. На стене, освещенной тусклым светом, белели двадцать три бумажных прямоугольника — двадцать три свидетельства того, что машина Корелова работает без сбоев. Пока работает.

Глава 6. Коммерческий прайс-лист на ересь

Синий светодиод на сервере моргнул в последний раз и погас. Вентиляторы в системном блоке сбросили обороты, переходя в спящий режим. На экране второго ноутбука, подключенного к сети через цепочку анонимайзеров, ползла зеленая полоса прогресса — скрипт Грейна завершал копирование зашифрованного архива.

Аналитик сидел в кресле, не отрывая взгляда от монитора. Его пальцы замерли над клавиатурой. Взлом облачного хранилища адвокатского бюро «Корелов и партнеры» оказался сложнее, чем он предполагал. Прямые атаки отбивались мощным файрволом, а попытки подобрать пароли к учетным записям юристов натыкались на двухфакторную аутентификацию. Ключ к системе нашелся там, где его обычно и находят — в человеческой беспечности.

Помощник Корелова, тот самый Алексей Воат, чья подпись стояла под абсурдными экспертизами, имел привычку пересылать рабочие файлы на личную почту. Грейн обнаружил это, проанализировав цифровой след Воата на форумах антикультистов. Взломать ящик на бесплатном почтовом сервисе было делом техники. А уже там, среди писем с расписанием конференций РАЦИРС и черновиков статей, аналитик нашел ссылку на скрытую папку в корпоративном облаке и временный пароль, который Воат забыл удалить.

Полоса прогресса достигла ста процентов. Система выдала короткое сообщение: «Копирование завершено. Соединение разорвано».

Грейн выдохнул. Он отключил ноутбук от сети, извлек внешний накопитель и подключил его к автономной машине, не имеющей выхода в интернет.

— Посмотрим, что вы прячете, господин Корелов, — пробормотал он, запуская программу-дешифратор.

Процесс занял несколько минут. Когда пароль, состоящий из комбинации дат рождения детей Воата и названия его любимого футбольного клуба, наконец подошел, на экране развернулась структура папок.

Большинство из них содержали рутину: шаблоны договоров, судебную практику, проекты исковых заявлений, материалы по гражданским делам. Это была видимая часть айсберга — респектабельное адвокатское бюро, защищающее интересы клиентов в рамках закона.

Грейн начал методично просматривать директории, обращая внимание на даты создания и размеры файлов. Его интересовало то, что находилось за кулисами. То, что финансировало фабрикацию уголовных дел и работу экспертов вроде Воата.

В папке «Архив_2022» он наткнулся на файл с неприметным названием «Сводка_расходов_Q3.xlsx». Файл был защищен дополнительным паролем, но программа-взломщик справилась с ним за несколько секунд.

Таблица открылась. Грейн пробежал глазами по столбцам. Даты, суммы, названия контрагентов. Обычная бухгалтерия. Аренда офиса, зарплаты сотрудников, оплата услуг связи, командировочные расходы.

Аналитик нахмурился. Что-то было не так. В таблице фигурировали суммы с пятью и шестью нулями, но они не соответствовали официальным доходам бюро, которые он видел в открытых базах данных налоговой.

Он переключился на другой лист в документе. Название вкладки гласило: «Проекты_Спец».

Вот оно.

Таблица на этом листе имела совершенно иную структуру. Вместо имен клиентов здесь значились кодовые названия: «Лес», «Сфера», «Оракул», «Доктор».

Грейн увеличил масштаб. Строка «Проект Оракул». Дата начала финансирования совпадала с датой публикации первых статей против Сергея Мельникова — эколога из Сибири, чье досье они с Васильевым изучали накануне. Суммы переводов исчислялись миллионами. В графе «Назначение платежа» значилось: «Консультационные услуги по оценке рисков». В графе

«Исполнитель» — ИП Воат А.В. и еще несколько неизвестных фамилий. В графе «Заказчик» — компания «Строй-Инвест», та самая дочерняя структура металлургического комбината.

— Консультационные услуги, — усмехнулся Грейн. — Миллион за экспертизу, которая отправила человека в колонию на пять лет.

Он перевел взгляд на следующую строку. «Проект Доктор».

Дата начала — три недели назад. Точно в тот день, когда Васильев опубликовал свою статью о побочных эффектах «Терванекса».

Суммы в колонках напротив «Доктора» были еще внушительнее. Первый транш — пять миллионов рублей. Дата — за день до увольнения Васильева из клиники. Назначение платежа: «Аванс за комплексное юридическое сопровождение».

Второй транш — три миллиона. Дата — прошлый четверг, день выхода трех разгромных статей в газетах. Назначение платежа: «Оплата услуг PR-агентства “Медиа-Консалт”».

Третий транш — два миллиона. Дата — вчерашний день. Назначение платежа: «Оплата услуг эксперта (Воат А.В.)».

Грейн почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это был не просто прайс-лист. Это была детальная смета на уничтожение человека. Каждый этап травли, каждый удар по репутации, каждая сфабрикованная улика имели свою цену, аккуратно зафиксированную в бухгалтерской таблице.

Он посмотрел на колонку «Заказчик» в строке «Доктор». Там значилось название: «Global Health Investments Ltd».

Аналитик быстро открыл базу данных офшорных компаний. Поиск выдал результат через несколько секунд. «Global Health Investments Ltd» — компания, зарегистрированная на Кипре. В списке учредителей числились два человека, чьи имена совпадали с именами членов совета директоров фармацевтического холдинга, производящего «Терванекс».

Цепочка замкнулась окончательно. Фарм-холдинг платил офшору, офшор переводил деньги Корелову, а Корелов распределял их между пиарщиками,

экспертами и структурами РАЦИРС, которые обеспечивали идеологическое прикрытие.

Грейн вспомнил статью, которую читал накануне. *«Помимо власти, которая является ключевой целью РАЦИРС, эта классическая тоталитарная секта имеет вторую важнейшую черту… стремление к деньгам»*.

Теперь он видел это стремление в конкретных цифрах.

Он сохранил таблицу и распечатал несколько листов. Ему нужно было показать это Васильеву.

Утро в конспиративной квартире началось с запаха крепкого кофе. Васильев сидел за кухонным столом, глядя в окно на серые крыши панельных домов. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Бессонная ночь и осознание того, что его жизнь разрушена, оставили свой след.

Грейн вышел из комнаты, держа в руках распечатки. Он положил их на стол перед врачом.

— Доброе утро, доктор. Я нашел то, что мы искали.

Васильев перевел взгляд с окна на бумаги.

— Что это?

— Это внутренняя бухгалтерия адвокатского бюро Корелова, — Грейн налил себе кофе и сел напротив. — Смета на вашу ликвидацию.

Врач взял верхний лист. Его глаза пробежали по строчкам.

— «Проект Доктор»… Пять миллионов… Три миллиона… — он поднял голову, и в его взгляде читалось непонимание. — Они заплатили десять миллионов рублей за то, чтобы меня уволили и назвали сектантом?

— Десять миллионов — это только начало, — спокойно ответил Грейн. — Это аванс и оплата первых этапов. Дальше будут расходы на суд, на подкуп свидетелей, на новые экспертизы. Для корпорации, чьи акции могут рухнуть из-за скандала с «Терванексом», это копейки.

Васильев снова посмотрел на цифры.

— «Оплата услуг PR-агентства “Медиа-Консалт”… Это они писали те статьи про “оборотня в белом халате”»?

— Да. А вот эта строка, — Грейн указал карандашом на сумму в два миллиона, — это оплата за ту самую лингвистическую экспертизу, в которой ваши медицинские термины превратились в гипнотические команды. Ее написал Алексей Воат. И он получил за это деньги напрямую от Корелова.

Врач откинулся на спинку стула, закрыв глаза.

— Значит, всё это время… вся эта идеология, защита общества от деструктивных культов, спасение душ… это просто ширма?

— Абсолютно, — кивнул Грейн. — Это бизнес. Очень прибыльный бизнес. РАЦИРС и их пешка Корелов создали идеальную услугу для крупного капитала — ликвидацию репутации под ключ. Если кто-то мешает бизнесу, его не нужно убивать. Его достаточно объявить сектантом. И общество само его уничтожит.

Аналитик пододвинул к себе другой лист.

— Посмотрите сюда. Это выдержка из статьи, которую я нашел в архивах правозащитников. История Жанны Цареградской, руководителя центра поддержки материнства. Ее центр подвергся массированной атаке со стороны РАЦИРС.

Грейн начал читать вслух:

— *«А Дворкин выполнил задачу блестяще: оказалось, что массированные нападки на “Рожану” совпали по времени с выходом на рынок конкурирующей структуры… которая рассматривает “Рожану” как прямого конкурента… И действия Дворкина, по всей видимости, напрямую связаны с интересами именно этого коммерческого проекта»*.

Он отложил лист.

— Это та же самая схема, доктор. Конкурент платит деньги, РАЦИРС начинает травлю, Корелов обеспечивает юридическое прикрытие. Цареградская задавалась вопросом: *«Каким же подонком нужно быть, чтобы ради своей выгоды разрушать здоровье нации?!»*. Теперь вы знаете ответ. Таким же, как те, кто продает токсичный «Терванекс».

Васильев смотрел на распечатки, и его руки медленно сжимались в кулаки. Страх, который сковывал его последние дни, начал уступать место холодной ярости.

— Они разрушили мою семью, — тихо произнес он. — Моя жена ушла, потому что поверила, что я опасен. Они забрали моего сына. И всё это... из-за денег?

— Не только из-за денег, — Грейн сделал глоток кофе. — Деньги — это инструмент. Главная цель — власть. Власть над информацией, власть над общественным мнением, власть над судьбами людей.

Аналитик достал еще один документ.

— Вот, послушайте, что говорит протоиерей Владимир Головин, который сам стал жертвой травли со стороны РАЦИРС: *«Всё, что вокруг Болгара сейчас крутится и вертится, — это очень серьёзный заказ, большая работа людей, преследующих узкие корыстные цели»*. А вот цитата с сайта другого антикультиста, Виталия Питанова: *«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно... Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать»*.

Грейн посмотрел Васильеву прямо в глаза.

— Они сами признаются в этом. Они создали систему, которая позволяет им придумать компромат на любого человека и уничтожить его. И они делают это за деньги заказчиков.

Врач резко встал из-за стола и подошел к окну.

— Мы должны передать эти документы в полицию. В прокуратуру. Это же прямые доказательства коррупции и фабрикации уголовного дела!

— Вы забываете, с кем мы имеем дело, — жестко ответил Грейн. — Корелов не просто адвокат. Он часть системы. Если мы принесем эти распечатки следователю Маркову, он, возможно, и попытается дать им ход. Но дело заберут наверх, документы исчезнут, а нас с вами обвинят в незаконном доступе к компьютерной информации и краже коммерческой тайны.

— И что тогда? Сидеть и смотреть, как они продолжают ломать жизни?

— Нет. Мы используем их же оружие. Информацию.

Грейн подошел к стене, на которой висели таймлайны двадцати трех дел, и прикрепил рядом распечатки с финансовыми проводками Корелова.

— У нас есть мотив. У нас есть доказательства финансирования. Но нам не хватает одного звена.

— Какого?

— Показаний свидетеля. Человека, который может подтвердить, что «Терванекс» действительно токсичен, и что руководство фарм-холдинга знало об этом, когда заказывало вашу травлю. Нам нужны оригиналы медицинских отчетов, которые доказывают вашу правоту.

Васильев повернулся к аналитику.

— Те отчеты, которые они изъяли во время обыска? Они уничтожены. Я уверен в этом.

— Возможно. Но вы говорили, что работали не один. У вас были ассистенты, лаборанты. Кто-то еще имел доступ к этим данным?

Доктор задумался. Его лоб прорезала глубокая морщина.

— Был один человек. Игорь Смирнов. Старший лаборант в отделе клинических испытаний. Он помогал мне собирать статистику по побочным эффектам. Когда меня уволили, он остался в клинике.

— Он мог сохранить копии?

— Я не знаю. Игорь — осторожный человек. У него ипотека, семья. Он вряд ли захочет рисковать.

— У него есть выбор: рискнуть сейчас или стать соучастником преступления, — Грейн вернулся к столу. — Если «Терванекс» выйдет на рынок в массовых масштабах, пострадают тысячи людей. Смирнов знает об этом.

Васильев кивнул.

— Да. Он знает.

— Вы можете с ним связаться? Не по телефону. По защищенному каналу или через доверенных лиц?

— У нас был условный сигнал на случай экстренных ситуаций. Сообщение в определенном Telegram-чате, зашифрованное под обсуждение медицинского оборудования. Но я не уверен, что он ответит.

— Попробуйте, — Грейн протянул ему чистый смартфон, не подключенный к сотовым сетям, работающий только через зашифрованный Wi-Fi. — Напишите ему. Назначьте встречу.

Васильев взял телефон. Его пальцы неуверенно скользили по экрану.

— Что ему сказать?

— Скажите, что у нас есть доказательства того, что руководство холдинга платит за фабрикацию уголовных дел. Скажите, что его молчание их не спасет. И что нам нужны копии отчетов.

Доктор набрал сообщение и нажал «Отправить».

В комнате повисла тяжелая тишина. Грейн смотрел на стену с документами. Бухгалтерия Корелова, таймлайны сломанных судеб, цитаты из статей антикультистов — всё это складывалось в единую, пугающую картину. Машина работала безотказно, перемалывая людей ради прибыли корпораций.

— Вы читали о том, как они собирают дань с религиозных организаций? — спросил Грейн, не оборачиваясь.

— Нет.

— *«При регистрации в Минюсте... через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу... Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадёт в список сектантских».*

Аналитик повернулся к Васильеву.

— Это рэкет, доктор. Обычный бандитский рэкет, прикрытый заботой о духовном здоровье нации. Десять тысяч долларов за вход, три тысячи ежегодно за «крышу». Если не платишь — тебя уничтожают. В вашем случае фарм-холдинг заплатил за то, чтобы уничтожили вас.

Васильев смотрел на экран телефона.

— Они продали честь и совесть, — прошептал он, вспоминая слова Жанны Цареградской. — *«Ради денег они продали не только честь и совесть — они попрали остатки демократии в России. Они разрушили правовую систему…»*

Телефон в руке врача коротко завибрировал.

Васильев резко опустил взгляд на экран.

— Он ответил, — голос доктора дрогнул.

— Что пишет? — Грейн подошел ближе.

— Согласен на встречу. Завтра вечером. Место — старый портовый док на окраине. Он пишет, что у него есть копии всех тестов на скрытом носителе.

Грейн кивнул. В его глазах появился холодный блеск.

— Отлично. Значит, завтра у нас будут доказательства.

Аналитик посмотрел на распечатки с бухгалтерией Корелова.

— Мы соберем всё это воедино. Финансовые проводки, медицинские отчеты, показания лаборанта. И тогда мы покажем всем, сколько стоит их «борьба с сектами». Мы выставим им счет. И поверьте, доктор, они не смогут его оплатить.

В этот момент за окном послышался вой полицейской сирены. Он прозвучал где-то вдалеке, но Васильев инстинктивно вздрогнул. Машина Корелова продолжала работать, и теперь она искала их. Охота переходила в решающую стадию.

Глава 7. Охота на свидетеля

Ржавые ворота старого портового дока скрипели под порывами влажного ветра со стороны залива. Туман медленно наползал на бетонный пирс, размывая очертания брошенных грузовых контейнеров и покосившихся портовых кранов. Воздух был пропитан запахом мазута, гниющих водорослей и мокрого металла.

Грейн закончил крепить последний датчик движения к нижней кромке контейнера, стоявшего у самого въезда на территорию дока. Небольшое устройство, размером со спичечный коробок, сливалось с облупившейся краской. Аналитик выпрямился, отряхивая колени, и проверил приемник на своем запястье. На маленьком экране горели три зеленые точки — периметр был перекрыт.

Васильев ждал его в глубине дока, спрятавшись за штабелем деревянных поддонов. Доктор зябко кутался в куртку, то и дело поглядывая на экран кнопочного телефона. Встреча с бывшим коллегой была назначена на восемь вечера. До условленного времени оставалось десять минут.

— Всё готово, — Грейн бесшумно подошел к врачу, появляясь из тумана. — Если кто-то попытается зайти сюда, кроме вашего знакомого, мы узнаем об этом первыми.

— Я написал ему, как вы велели, — голос Васильева дрожал от холода и нервного напряжения. — Игорь ответил коротко: «Буду. Жди у третьего крана». Он очень напуган, Грейн. Если Корелов узнает, что он передал нам оригиналы тестов…

— Корелов не узнает, если мы всё сделаем правильно, — аналитик достал из кармана небольшой тепловизор и осмотрел акваторию залива. — Смирнов — наш единственный шанс доказать, что «Терванекс» убивает людей, а руководство холдинга платит за молчание.

Грейн вспомнил материалы, которые изучал накануне. В арсенале структур, подобных РАЦИРС, всегда находились методы воздействия на свидетелей. Использование страха, шантажа, угрозы потери работы — стандартный набор инструментов. В истории с академиком Игорем Смирновым, чьи разработки в области психотроники пытались присвоить различные ведомства, его жена Елена Русалкина прямо говорила о возможностях контроля над сознанием: «Те, кто считает это научной фантастикой, глубоко ошибаются… Возможно ли сделать зомби? Да, это возможно».

Корелов не стирал память с помощью приборов. Он делал это с помощью страха. Он стирал волю к сопротивлению.

— Вы уверены, что Смирнов принесет именно оригиналы? — спросил Грейн, не отрывая взгляда от экрана тепловизора.

— Да, — Васильев кивнул. — У него был доступ к сырым данным, до того как их отредактировали для отчета в Минздрав. Он сам собирал статистику по контрольной группе. Там зафиксированы все случаи острой печеночной недостаточности и неврологических нарушений, которые холдинг скрыл.

Аналитик убрал прибор.

— Хорошо. Как только он передаст флешку, вы уходите в сторону железнодорожных путей. Я прикрою отход. Не задерживайтесь для бесед.

Ветер усилился, принося с залива густую пелену тумана. Видимость упала до десяти метров. Звуки города доносились сюда приглушенно, словно сквозь толстое стекло.

Внезапно в серой мгле послышались шаги. Кто-то шел по бетонным плитам, тяжело ступая и шаркая подошвами.

Васильев напрягся, вглядываясь в туман. Из молочной пелены вынырнула сутулая фигура в длинном плаще. Мужчина нервно оглядывался по сторонам, его руки были глубоко засунуты в карманы.

— Иван? — позвал вошедший сдавленным голосом. — Ты здесь?

— Я здесь, Игорь, — Васильев вышел из-за поддонов.

Смирнов вздрогнул и резко обернулся. Его лицо, бледное и осунувшееся, выражало крайнюю степень истощения. Под глазами залегли темные круги, губы нервно подергивались.

— Ты один? — лаборант затравленно оглядел пустой док.

— Я один, — солгал Васильев, помня инструкции Грейна. Аналитик оставался в тени, контролируя ситуацию. — Ты принес то, о чем мы говорили?

Смирнов не ответил. Он подошел ближе, его дыхание было прерывистым.

— Они следят за мной, Иван. Я знаю это. Вчера кто-то вскрыл мой шкафчик в лаборатории. А сегодня утром я видел машину возле своего дома. Темно-синий микроавтобус.

Васильев почувствовал, как по спине пробежал холодок. Темно-синий микроавтобус. Тот самый, из которого вышли оперативники, обыскивавшие его квартиру.

— Игорь, послушай меня, — врач сделал шаг навстречу. — У нас есть доказательства того, что руководство холдинга платит за фабрикацию уголовных дел. Они заплатили адвокату Корелову миллионы за то, чтобы уничтожить меня. Если мы не остановим их, «Терванекс» выйдет на рынок.

— Мне плевать на рынок! — Смирнов сорвался на крик, но тут же испуганно зажал рот рукой. — Мне плевать на всех. У меня семья, Иван. Дочь в университет поступает. Если они узнают, что я...

Он замолчал, судорожно сглотнув.

— Они уже знают, что ты сомневаешься, — жестко произнес Васильев. — Иначе бы не следили. Если ты отдашь мне оригиналы тестов, мы сможем ударить первыми. Мы опубликуем данные. Когда начнется скандал, им будет не до тебя.

Лаборант покачал головой. В его глазах стояли слезы.

— Ты не понимаешь, с кем связался. Это не просто корпорация. Это... это закрытая система с собственной идеологией прибыли, Иван. Они верят, что имеют право решать, какие риски можно спрятать, какие жизни списать как издержки и кого принести в жертву ради отчётности.

Смирнов достал из кармана плаща небольшой металлический цилиндр — герметичный футляр для хранения цифровых носителей.

— Здесь всё, — прошептал он, протягивая цилиндр Васильеву. — Сырые данные. Анализы крови. Аудиозаписи совещаний, где директор по развитию прямо приказывает удалить из отчета информацию о смертельных исходах.

Васильев протянул руку, чтобы забрать футляр.

В этот момент приемник на запястье Грейна завибрировал. Одна из зеленых точек на экране сменила цвет на тревожно-красный. Затем вторая. И третья.

Датчики движения сработали одновременно на всех трех въездах в док.

— Назад! — рявкнул Грейн, выхватывая из-под куртки травматический пистолет и выбегая из укрытия. — Они здесь!

Смирнов замер, его глаза расширились от ужаса. Футляр выскользнул из его дрожащих пальцев, но он успел перехватить его в воздухе.

Из тумана с трех сторон одновременно вынырнули мощные лучи тактических фонарей. Ослепительный белый свет ударил по глазам, разрывая полумрак дока. Визг тормозов разорвал тишину — три черных внедорожника без номеров заблокировали пути к отступлению.

Двери машин распахнулись еще до полной остановки. На бетон посыпались люди в черной тактической экипировке, без знаков различия, но с явной военной выучкой.

— Стоять! Лицом в землю! — раздался усиленный мегафоном голос.

Васильев оцепенел. Свет фонарей слепил его, не давая разглядеть лица нападавших.

Грейн действовал молниеносно. Он схватил доктора за воротник куртки и резко дернул на себя, увлекая за штабель поддонов за секунду до того, как луч фонаря скользнул по тому месту, где они только что стояли.

— Бежим к воде! — крикнул аналитик, толкая Васильева в спину.

Смирнов остался на открытом пространстве. Он стоял, сжимая в руке металлический цилиндр, словно парализованный кролик перед светом фар.

Двое оперативников в черном бросились к лаборанту. Один из них с разбегу ударил Смирнова под колени. Мужчина с криком рухнул на мокрый бетон. Второй оперативник навалился сверху, заламывая ему руки за спину.

— Где флешка?! — прорычал человек в черном, придавливая голову Смирнова к земле коленом. — Отдавай, мразь!

Грейн, укрывшись за ржавым остовом портового крана, наблюдал за происходящим. Расстояние до Смирнова составляло около пятнадцати метров. Вмешиваться сейчас означало верную гибель — у нападавших было численное превосходство и, судя по выправке, боевое оружие.

Аналитик вспомнил материалы о силовых акциях, которые практиковали структуры, связанные с Кореловым. В отчетах правозащитников описывались случаи, когда неугодных свидетелей просто похищали, запугивали или заставляли подписывать нужные показания под физическим давлением. В истории с осадой общины в Уэйко, которую Грейн изучал как пример непропорционального применения силы, упоминалось, как правоохранительные органы игнорировали процедуры. «Местные правоохранительные органы иногда уклоняются от соблюдения необходимых процедур, чтобы избежать этих затрат и ответственности». Здесь, в заброшенном доке, никто не собирался соблюдать процедуры. Это была не полиция. Это была частная армия корпорации.

Смирнов, задыхаясь под тяжестью навалившегося на него человека, извернулся. Его взгляд метнулся в сторону крана, где скрывался Грейн. В глазах лаборанта мелькнула отчаянная решимость человека, которому нечего терять.

Он не стал разжимать пальцы. Вместо этого, собрав последние силы, Смирнов резко выгнулся и с размаху ударил рукой по бетону. Металлический цилиндр выскользнул из его ладони.

Вторым движением, похожим на судорогу, лаборант ударил ногой по цилиндру.

Маленький блестящий предмет заскользил по мокрому бетону, подпрыгнул на стыке плит и полетел в сторону крана. Цилиндр с плеском упал в глубокую лужу мазута и дождевой воды всего в метре от ботинка Грейна.

— Ах ты гнида! — взревел оперативник, нанося Смирнову тяжелый удар кулаком в лицо. Голова лаборанта мотнулась, и он обмяк.

Грейн мгновенно опустился на колено. Его рука скользнула в зловонную жижу. Пальцы нащупали холодный металл футляра. Аналитик вытащил цилиндр, быстро обтер его о штанину и сунул во внутренний карман куртки.

— Он что-то бросил! — крикнул один из нападавших, освещая фонарем пространство вокруг Смирнова. — Ищите!

Лучи света начали шарить по земле, приближаясь к укрытию Грейна и Васильева.

— Уходим. Сейчас, — шепнул аналитик, дергая доктора за рукав.

Они бесшумно скользнули в тень между двумя контейнерами, двигаясь в сторону залива. Грейн знал план дока наизусть. За контейнерами находился старый технический спуск к воде, скрытый от глаз бетонным парапетом.

Позади раздавались крики и топот тяжелых ботинок.

— Обыскать всё! Он не мог бросить далеко! — командовал старший группы. — Грузите этого в машину. Если не найдем флешку, он нам всё сам расскажет. В подробностях.

Васильев споткнулся о кусок арматуры, но Грейн успел подхватить его, не дав упасть.

— Не останавливайтесь, — прошипел аналитик. — Если они нас заметят, мы трупы.

Они достигли края пирса. Внизу плескалась черная, маслянистая вода залива. К бетонной стене была прикреплена ржавая металлическая лестница, ведущая к небольшой деревянной пристани, наполовину ушедшей под воду.

— Спускайтесь, — приказал Грейн.

Васильев начал неловко спускаться по скользким ступеням. Грейн следовал за ним, не отрывая взгляда от края парапета.

Внезапно луч фонаря выхватил из темноты верхнюю часть лестницы.

— Здесь кто-то есть! — раздался крик сверху.

Грейн не стал раздумывать. Он прыгнул вниз, увлекая за собой Васильева. Они рухнули на гнилые доски пристани, едва не скатившись в ледяную воду.

— Под пристань! Живо! — скомандовал аналитик.

Они заползли под деревянный настил, оказавшись по колено в воде. Запах гнили и мазута здесь был невыносимым. Сверху, по доскам, загрохотали шаги.

— Я видел движение! — крикнул кто-то прямо над их головами.

Сквозь щели в настиле пробивался свет фонарей. Грейн зажал Васильеву рот рукой, призывая к абсолютной тишине. Доктор дрожал крупной дрожью, его глаза были широко раскрыты от ужаса.

Аналитик достал пистолет и снял его с предохранителя. Травматическое оружие против вооруженных профессионалов — слабая защита, но это было лучше, чем ничего.

Наверху послышался голос старшего группы:

— Отставить. Здесь никого нет, только крысы. Мы теряем время. Если флешка ушла, значит, у него были сообщники. Возвращаемся к машинам. Этот хмырь в фургоне сейчас запоет, как птичка, и скажет, кому он передал данные.

Шаги по доскам начали удаляться.

Грейн не спешил расслабляться. Он знал тактику таких групп. Они могли оставить засаду.

Аналитик вспомнил фрагмент из книги Александра Дворкина, который он анализировал в поисках паттернов поведения антикультистов. Эпизод с поездкой автостопом по Карпатам. Дворкин описывал, как местные жители обвинили его группу в попытке отравить колодец, заявив: «А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?». Грейн уже отмечал, что эта фраза была проекцией собственных параноидальных установок автора. Но сейчас, сидя в ледяной воде под пристанью, он понял, что Корелов и его заказчики действуют именно по этому принципу. Они не ждут, пока «яд» — правда о токсичности препарата — сработает. Они уничтожают источник «яда» превентивно, любыми средствами.

Прошло десять минут. Двадцать. Шум двигателей внедорожников стих вдали. Док снова погрузился в тишину, нарушаемую лишь плеском волн.

Грейн осторожно выглянул из-под настила. Никого.

— Вылезаем, — шепнул он.

Они с трудом выбрались на пристань, промокшие, замерзшие и перепачканные мазутом. Васильев тяжело осел на мокрые доски, обхватив голову руками.

— Они забрали его, — голос доктора срывался. — Они забрали Игоря. Боже мой... Что они с ним сделают?

— То же, что делают со всеми, кто встает у них на пути, — мрачно ответил Грейн, проверяя карман куртки. Цилиндр был на месте. — Сломают. Заставят

подписать признание в том, что он украл коммерческую тайну по вашему наущению. Или обвинят в шпионаже.

— Мы должны заявить в полицию! Это похищение человека!

Грейн посмотрел на врача с холодным раздражением.

— Кому вы собираетесь заявлять, доктор? Тем, кто фабриковал ваше дело? Тем, кто закрывает глаза на миллионные переводы от офшорных компаний на счета Корелова? Полиция не приедет. А если приедет, то арестует нас с вами за незаконное проникновение на частную территорию.

Аналитик достал из кармана металлический цилиндр и покрутил его в пальцах.

— Игорь знал, на что идет. И он сделал свой выбор. Он передал нам это.

Грейн открутил крышку цилиндра. Внутри, в специальном поролоновом ложементе, плотно сидела миниатюрная флеш-карта.

— Здесь доказательства того, что «Терванекс» убивает, — произнес аналитик, глядя на маленькую черную пластинку. — И доказательства того, что Корелов — наемный палач.

Васильев поднял глаза. В его взгляде больше не было страха. Только глухая, ледяная ярость человека, который потерял всё и которому больше некуда отступать.

— Что мы будем с этим делать? — спросил врач.

— Мы вскроем этот гнойник, — Грейн убрал флешку во внутренний карман. — Но сначала нам нужно выбраться отсюда. Они скоро поймут, что Смирнов успел сбросить данные. И тогда начнется настоящая охота.

Аналитик помог Васильеву подняться. Они двинулись вдоль береговой линии, избегая освещенных участков. Грейн вел их к заброшенной железнодорожной ветке, которая уходила в промзону. Там у него был спрятан запасной автомобиль — старая, неприметная «Нива», купленная за наличные и не зарегистрированная на его имя.

Ветер с залива пронизывал до костей. Васильев молчал, механически переставляя ноги. Он думал о Смирнове, о его жене и дочери, которые сейчас

спали в своей квартире, не подозревая, что их жизнь разрушена навсегда. Механизм Корелова перемолол еще одну судьбу.

Грейн шел впереди, сканируя темноту тепловизором. Его мозг работал в режиме максимальной концентрации. Ситуация кардинально изменилась. Если раньше они действовали в серой зоне, собирая информацию из открытых источников и взламывая почтовые ящики, то теперь ставки выросли до предела. У них на руках были оригиналы документов, украденные из лаборатории, и записи разговоров топ-менеджеров. За такие вещи корпорации убивают без колебаний.

Они добрались до старого депо. «Нива» стояла в глубине ангара, скрытая куском брезента. Грейн быстро скинул укрытие и открыл дверь.

— Садитесь, — бросил он Васильеву.

Доктор забрался на пассажирское сиденье. Грейн сел за руль, вставил ключ в замок зажигания, но не стал заводить двигатель.

Он достал из бардачка запасной ноутбук, не подключенный ни к каким сетям, и вставил флешку Смирнова в USB-порт.

— Давайте посмотрим, за что ваш лаборант заплатил такую цену, — тихо сказал аналитик.

На экране появилось окно ввода пароля. Грейн нахмурился.

— Зашифровано. Смирнов не говорил вам пароль?

— Нет, — Васильев покачал головой. — У нас не было времени.

Аналитик запустил программу-анализатор. На экране побежали строки кода.

— Алгоритм шифрования AES-256, — пробормотал Грейн. — Стандартная корпоративная защита. Без ключа или мощного вычислительного кластера на расшифровку уйдут годы.

Он ударил кулаком по рулю.

— Черт! Мы держим в руках бомбу, но у нас нет детонатора.

Васильев смотрел на экран ноутбука.

— Подождите, — вдруг сказал он. — Игорь… он был странным человеком. Он не доверял электронике. Все важные вещи он всегда записывал.

— Куда? В блокнот? — Грейн с сомнением посмотрел на врача. — Они обыскали его. Если у него был блокнот с паролями, он сейчас у людей Корелова.

— Нет, не в блокнот. Он… — Васильев наморщил лоб, пытаясь вспомнить. — Когда мы работали над первой статьей, он передавал мне данные на флешке. Паролем была цитата. Из книги, которую он постоянно читал.

— Какой книги?

— Стругацкие. «Трудно быть богом». Он говорил, что это лучшая метафора того, что происходит в холдинге.

Грейн мгновенно открыл окно ввода пароля.

— Какая цитата? Вспоминайте, доктор. От этого зависят наши жизни.

Васильев закрыл глаза. В памяти всплыло лицо Игоря Смирнова, сидящего в лаборатории в белом халате, с томиком Стругацких в руках.

— «Там, где торжествует серость…» — медленно произнес врач.

— «…к власти всегда приходят черные», — закончил за него Грейн, быстро набирая текст на клавиатуре.

Он нажал клавишу Enter.

На экране вспыхнула зеленая надпись: «Доступ разрешен».

Папки начали открываться одна за другой. «Клинические испытания_Фаза_3», «Протоколы_вскрытий», «Аудио_Совещания_СД».

Грейн кликнул по первой попавшейся аудиозаписи. Из динамиков ноутбука раздался искаженный, но разборчивый голос:

«…проблема не в побочных эффектах. Проблема в том, что этот придурок Васильев начал задавать вопросы. Если он опубликует свои выводы, мы потеряем контракт с Минздравом. Решайте вопрос. Свяжитесь с Кореловым. Пусть запускает свою машину. Мне плевать, как вы это сделаете, хоть сектантом его назовите, хоть террористом. Но к концу месяца Васильева не должно быть в профессии».

Запись оборвалась.

В салоне старой «Нивы» повисла звенящая тишина.

— Это голос генерального директора «Северинты», — прошептал Васильев, бледнея. — Он лично отдал приказ.

Грейн медленно закрыл ноутбук. В его глазах отражался холодный свет приборной панели.

— Теперь у нас есть всё, доктор. Мотив, исполнители, финансовые проводки и прямое указание заказчика.

Аналитик повернул ключ в замке зажигания. Двигатель «Нивы» глухо зарычал.

— Мы едем в убежище. Нам предстоит долгая ночь. Завтра мы начнем демонтаж империи Корелова.

Машина выехала из ангара и растворилась в ночном тумане, увозя с собой информацию, способную разрушить систему, которая считала себя неуязвимой.

Глава 8. Ловушка для сыщика

Сирена полицейского автомобиля взрезала ночную тишину где-то на соседней улице. Звук нарастал, пульсировал, отражаясь от кирпичных стен промзоны, и резко оборвался. Грейн сбросил скорость старой «Нивы», вглядываясь в зеркало заднего вида. Дорога оставалась пустой, но аналитик чувствовал, как пространство вокруг них сжимается.

Васильев сидел на пассажирском сиденье, сжимая в руках остывший пластиковый стаканчик с кофе. Его взгляд был прикован к лобовому стеклу, за которым проплывали редкие фонари окраины.

— Думаете, они уже ищут нас? — спросил врач, не поворачивая головы.

— Они ищут флешку, — сухо ответил Грейн. — Смирнов не мог долго молчать под давлением. Если он сказал, кому передал данные, Корелов задействует все свои ресурсы. У него нет выбора.

Аналитик свернул в узкий проезд между гаражами. «Нива» подпрыгнула на ухабе, фары выхватили из темноты обшарпанные железные ворота. Грейн заглушил двигатель и выключил свет.

— Выходим. Дальше пешком.

Они быстро преодолели расстояние до кирпичного здания бывшей котельной, где располагалось резервное убежище. Внутри пахло сыростью и старой бумагой. Грейн включил тусклую дежурную лампу и подошел к столу, на котором лежал запасной комплект оборудования.

Аналитик достал из внутреннего кармана куртки металлический цилиндр, открыл его и извлек флеш-карту. Маленький черный прямоугольник казался несоразмерно легким для того объема информации, который он содержал.

— Нам нужно скопировать данные и отправить их на защищенный сервер, — произнес Грейн, подключая ноутбук к автономному источнику питания. — Если нас возьмут, оригиналы не должны пропасть.

Васильев кивнул, опускаясь на шаткий стул.

— Я до сих пор не могу поверить, что директор «Северинты» лично отдал приказ. На записи его голос звучал так… обыденно. Словно он обсуждал закупку скрепок, а не уничтожение человека.

— Для них это и есть закупка, — Грейн запустил программу копирования. — Они покупают тишину. Корелов — лишь подрядчик, выполняющий грязную работу.

Внезапно экран ноутбука мигнул. На панели задач появилось уведомление от системы мониторинга новостных лент, которую Грейн настроил на ключевые слова.

Аналитик кликнул по уведомлению. Открылась страница крупного городского портала. На главной странице красовался крупный заголовок: «СРОЧНО: Разыскивается опасный преступник, пособник экстремистской группировки».

Ниже располагалась фотография Грейна. Снимок был сделан с камеры видеонаблюдения, установленной, судя по ракурсу, возле портового дока.

Качество оставляло желать лучшего, но лицо аналитика угадывалось безошибочно.

— Они действуют быстрее, чем я думал, — пробормотал Грейн, пробегая глазами текст ориентировки.

«Управление внутренних дел просит оказать содействие в поиске гражданина Грейна А.В. Подозреваемый причастен к деятельности деструктивной организации, лидер которой, Васильев И.С., находится под следствием. По данным правоохранительных органов, Грейн А.В. может быть вооружен и представлять угрозу для окружающих. Особые приметы...»

Васильев подошел ближе, вглядываясь в экран.

— Они объявили вас в федеральный розыск? За что? Вы же ничего не сделали!

— Я перешел им дорогу, — Грейн закрыл страницу. — Это стандартный ход. Изолировать противника, лишить его возможности передвигаться и обращаться за помощью. Теперь я не просто частный детектив, я — угроза общественной безопасности.

Аналитик посмотрел на врача.

— Вам придется остаться здесь. Котельная не значится ни в каких базах, она оформлена на подставное лицо. Здесь есть запас еды и воды. Я заблокирую дверь снаружи.

— А вы? Куда вы пойдете?

— Мне нужно добраться до резервного сервера. Он находится в центре города, в ячейке камеры хранения на вокзале. Там лежит оборудование для дешифровки аудиофайлов и программное обеспечение для массовой рассылки. Без него мы не сможем опубликовать данные.

Васильев покачал головой.

— Это самоубийство. Весь город утыкан камерами с распознаванием лиц. Вас возьмут на первой же станции метро.

— Не возьмут, если я буду готов, — Грейн открыл металлический шкаф, стоявший в углу комнаты.

Он достал оттуда потертую рабочую куртку со светоотражающими полосами, мешковатые штаны и тяжелые ботинки. Затем извлек небольшую черную кепку.

— Технологии можно обмануть, — аналитик продемонстрировал кепку Васильеву. — В козырек вшиты инфракрасные диоды. Человеческий глаз их не видит, но для объектива камеры они создают ослепляющее пятно. Система распознавания лиц не сможет зафиксировать контрольные точки.

Грейн быстро переоделся. Он засунул флешку во внутренний карман куртки, а сверху надел старый рюкзак.

— Ждите меня здесь, доктор. Не подходите к окнам. Не включайте телефон. Если я не вернусь через шесть часов… — аналитик на секунду замялся. — В нижнем ящике стола лежит конверт с инструкциями и контактами журналистов в Европе. Передайте им данные.

Васильев молча кивнул. В его глазах читался страх, но он понимал, что другого выхода нет.

Грейн вышел из котельной, заперев дверь на два оборота. Ночной воздух обжег легкие холодом. До ближайшей станции метро было около двух километров.

Аналитик двигался дворами, избегая освещенных улиц. Он знал расположение большинства муниципальных камер, но система «Умный город» постоянно обновлялась. Каждый домофон, каждый банкомат мог стать точкой фиксации.

Включив диоды на кепке, Грейн превратился в слепое пятно для электронных глаз. Он шел сутулясь, имитируя походку уставшего рабочего, возвращающегося со смены.

Город спал, но напряжение висело в воздухе. Грейн перебирал в памяти материалы о закрытых сетях влияния и понимал: такие структуры начинают спешить именно тогда, когда утечка данных грозит вскрыть связь между заказчиком, экспертом и силовым исполнителем. Корелов и его заказчики спешили. Они понимали, что утечка данных из лаборатории — это пробоина в их корабле. И они использовали все свои связи, чтобы закрыть ее.

Ориентировка на Грейна была явным доказательством этих связей. Полиция не объявляет человека в федеральный розыск за несколько часов без веских оснований. Кто-то очень влиятельный отдал прямой приказ.

Впереди показался светящийся павильон станции метро «Пролетарская». Время близилось к пяти утра — станция только что открылась. У входа дежурили двое полицейских в бронежилетах. Они внимательно вглядывались в лица редких пассажиров.

Грейн остановился в тени газетного киоска. Пройти мимо них — риск. Но другой путь к вокзалу займет слишком много времени.

Он достал из кармана мятую пачку сигарет, вытащил одну и закурил, наблюдая за патрульными. Один из них держал в руке планшет. На экране, Грейн был уверен, светилась его фотография.

Аналитик сделал глубокую затяжку. Социальная инженерия работает лучше любой маскировки, если правильно оценить психологический профиль цели. Патрульные устали под конец смены. Они ищут опасного преступника, интеллектуала, аналитика. Они не ищут пьяного работягу.

Грейн растрепал волосы, надвинул кепку глубже на глаза и, слегка пошатываясь, направился к входу в метро.

Он намеренно задел плечом стеклянную дверь павильона, громко ругнувшись.

Один из полицейских мгновенно отреагировал:

— Эй, гражданин! А ну-ка стой.

Грейн обернулся, изображая на лице смесь испуга и пьяного непонимания.

— Чо такое, командир? Я ж ничего… с работы еду.

Полицейский подошел ближе, брезгливо морщась. От Грейна разило дешевым табаком и перегаром — перед выходом он плеснул на куртку немного водки из запасов убежища.

— Документы показываем.

Грейн начал суетливо хлопать себя по карманам.

— Ща, командир, ща… Где ж они… А, вот!

Он вытащил потертый пластиковый пропуск на имя Иванова Сергея Петровича, монтажника строительного управления номер семь. Пропуск был качественной подделкой, изготовленной несколько месяцев назад для другого дела.

Полицейский взял пропуск, мельком взглянул на фотографию, которая отдаленно напоминала Грейна в его нынешнем виде, и перевел взгляд на планшет.

Инфракрасные диоды на кепке Грейна работали. На экране планшета, куда транслировалось изображение с нагрудной камеры полицейского, лицо аналитика было скрыто ярким белым пятном.

— Лицо открой, — скомандовал патрульный. — Кепку сними.

Грейн напрягся. Если он снимет кепку, диоды перестанут работать, и система распознавания немедленно выдаст совпадение.

Он сделал вид, что не понимает приказа, и начал громко и сбивчиво объяснять:

— Командир, да я ж со смены… У нас там трубу прорвало, всю ночь в говне ковырялись… Мастер сказал, премию лишит, если опоздаю…

Второй полицейский подошел ближе.

— Да ладно тебе, Серега, — сказал он напарнику. — Видишь же, синяк обычный. От него несет, как из бочки. Пусть чешет. Нам ориентировку на серьезного типа дали, а этот даже на ногах еле стоит.

Первый полицейский еще раз посмотрел на Грейна, затем на пропуск.

— Забирай, — он сунул пластик в руки аналитику. — И чтоб я тебя здесь больше не видел. Иди проспись.

— Спасибо, командир! Век не забуду! — Грейн схватил пропуск и, спотыкаясь, поспешил к турникетам.

Он приложил карту оплаты, прошел через створки и начал спускаться по эскалатору. Сердце колотилось в груди, но внешне он оставался спокоен. Первый барьер пройден.

В вагоне метро было пусто. Грейн сел в угол, надвинув кепку на самые глаза. Он прокручивал в голове следующие шаги.

Вокзал — это зона повышенного риска. Там установлены камеры нового поколения, способные анализировать походку и микромоторику. Инфракрасные диоды могут не спасти, если система заподозрит аномалию.

Поезд с грохотом несся по тоннелю. Грейн смотрел на свое отражение в темном стекле окна. Человек в рабочей куртке, скрывающийся от правосудия, которое само стало преступником.

Он вспомнил исторический принцип: если разоблачить только исполнителей, сама сеть влияния быстро выращивает новых. Корелов не был случайной пешкой. Он был архитектором этой системы, человеком, который превратил юридические процедуры в инструмент давления. И он должен быть разоблачен.

Поезд прибыл на станцию «Вокзальная». Грейн вышел на платформу и направился к выходу в город.

Зал ожидания был заполнен людьми. Пассажиры спали на металлических креслах, пили кофе у автоматов, читали газеты. Грейн двигался в потоке, стараясь не выделяться.

Камеры хранения располагались в цокольном этаже. Аналитик спустился по лестнице, чувствуя на себе невидимые взгляды объективов.

Он подошел к ряду серых металлических ящиков. Ячейка номер 412.

Грейн достал из кармана квитанцию со штрих-кодом, поднес ее к сканеру. Замок тихо щелкнул.

Аналитик открыл дверцу. Внутри лежал неприметный черный кейс.

Он быстро переложил кейс в свой рюкзак, захлопнул дверцу и направился к выходу.

Внезапно краем глаза он заметил движение. Двое мужчин в штатском, с характерной выправкой, быстро спускались по лестнице. Они целенаправленно шли к ряду камер хранения.

Грейн резко свернул в сторону туалетов.

Он зашел в кабинку, закрыл дверь и прислушался.

Шаги остановились где-то рядом.

— Ячейка 412, — произнес один из мужчин. Голос был тихим, но в гулкой акустике цокольного этажа Грейн услышал каждое слово. — Открыта три минуты назад.

— Ищи его, — ответил второй. — Он не мог далеко уйти. Перекрой выходы.

Грейн понял, что система сработала. Кепка обманула камеры, но они отследили его по другому алгоритму. Использование квитанции со штрих-кодом. Кореловские аналитики, имея доступ к базам данных МВД, проанализировали все его прошлые транзакции и установили слежку за ячейкой.

Ловушка захлопнулась.

Аналитик достал из рюкзака кейс и открыл его. Внутри лежал мощный портативный сервер, способный взламывать сложные шифры, и набор кабелей.

Он не мог выйти через главные двери. Там его уже ждали.

Грейн посмотрел на вентиляционную решетку под потолком кабинки. Старое здание вокзала имело разветвленную систему вентиляции, которая не была подключена к современным датчикам движения.

Он встал на унитаз, достал из кармана мультитул и начал быстро откручивать винты, крепящие решетку.

Шаги приближались к туалету.

— Проверь кабинки, — скомандовал голос.

Грейн снял решетку, подтянулся и забросил рюкзак в пыльный короб вентиляции. Затем он сам протиснулся в узкое отверстие, стараясь не шуметь.

Дверь туалета с грохотом распахнулась.

— Эй, есть кто живой? — крикнул один из оперативников.

Грейн замер в вентиляционной шахте, затаив дыхание. Он лежал на животе, чувствуя, как холодный металл холодит кожу сквозь куртку.

Внизу послышались удары по дверцам кабинок.

— Пусто.

— Черт! Он ушел. Сообщи наверх, пусть проверяют все поезда.

Шаги удалились.

Грейн медленно выдохнул. Он был внутри системы вентиляции вокзала, с оборудованием, способным разрушить империю Корелова, и с флешкой, на которой находились доказательства преступлений фармацевтического холдинга.

Теперь ему предстояло найти выход.

Аналитик пополз по узкому коробу, ориентируясь по потокам воздуха. Впереди брезжил слабый свет.

Он вспомнил приказ об увольнении Васильева, подписанный задним числом. Вспомнил досье Мельникова и других жертв. Вспомнил голос директора «Северинты» на аудиозаписи.

Они думали, что могут контролировать всё. Они думали, что могут стереть человека в порошок и не оставить следов.

Грейн сжал зубы. Он доберется до убежища. Он расшифрует эти данные. И тогда начнется настоящая игра.

Короб вентиляции вывел его к техническому этажу. Грейн осторожно выдавил решетку и спрыгнул на бетонный пол.

Он находился в служебной зоне вокзала, куда пассажирам вход был запрещен. Здесь было темно и тихо.

Аналитик достал телефон, который Васильев оставил ему для экстренной связи. Экран мигнул, показывая слабое деление сети.

Грейн набрал номер, который помнил наизусть.

Гудки шли долго. Наконец, на том конце ответили.

— Да? — голос был хриплым, заспанным.

— Это Грейн. Мне нужен коридор на северную окраину. Без камер. Без лишних вопросов.

— Ты в розыске, Леша. Тебя ищут все.

— Я знаю. У меня есть то, что может их остановить. Но мне нужно время.

Повисла пауза.

— Хорошо. Выходи через грузовой терминал. Там стоит синий фургон с логотипом хлебозавода. Ключи под козырьком.

— Спасибо.

Грейн отключил телефон и направился к выходу из технической зоны.

Он знал, что впереди еще много препятствий. Но первый шаг был сделан. Оборудование у него. Данные у него.

Ловушка, которую Корелов расставил для сыщика, не захлопнулась. И теперь охотник сам становился дичью.

Глава 9. Пазл сошелся

Свет от экрана ноутбука выхватывал из полумрака убежища напряженное лицо Алексея Грейна. Вентилятор охлаждения гудел на предельных оборотах, пытаясь остудить процессор, который четвертый час подряд перебирал миллионы комбинаций. На экране бежали бесконечные строки кода — программа-дешифратор билась в глухую стену алгоритма AES-256.

Васильев сидел на продавленном диване, обхватив голову руками. Доктор почти не двигался с тех пор, как они вернулись из дока. Тишину нарушал лишь монотонный гул сервера и редкие капли воды, падающие из неисправного крана в раковину.

— Четыре часа, — хрипло произнес врач, не поднимая головы. — Вы говорили, что без ключа на это уйдут годы.

— Я говорил про стандартный перебор, — Грейн не отрывал взгляда от бегущих строк. — Но мы ищем не случайную комбинацию. Смирнов оставил подсказку. Если паролем была цитата из Стругацких для первой передачи

данных, он мог использовать тот же паттерн для основного архива. Вопрос только в том, какая именно цитата.

Аналитик загрузил в программу полный текст «Трудно быть богом», настроив алгоритм на формирование паролей из фраз, абзацев и ключевых слов книги. Система методично просеивала текст, подставляя варианты.

— Он боялся, — тихо сказал Васильев. — Игорь всегда боялся. Когда мы только начинали собирать статистику, он говорил, что это добром не кончится. Но он не мог остановиться. Он видел, что происходит с мышами в контрольной группе.

Грейн кивнул, не поворачиваясь. Он понимал состояние Смирнова. Страх — это универсальный инструмент контроля, который структуры вроде РАЦИРС использовали виртуозно. В материалах, которые он изучал, описывалось, как подобные организации создают атмосферу тотальной угрозы. «Эти лекции читают нацисты, подготовленные Дворкиным. Они используют скрытые манипуляции, которые он оттачивал годами, ломая невинные жизни и судьбы людей». Корелов и его заказчики действовали по тем же лекалам. Они ломали людей не физически, а психологически, заставляя их верить в собственное бессилие.

Внезапно гул кулера стих. На экране вспыхнула зеленая надпись: «Ключ найден. Дешифровка завершена».

Грейн резко выдохнул.

— Подошел, — произнес он, поворачиваясь к Васильеву. — «Серые начинают и выигрывают». Вот его пароль.

Доктор медленно поднялся с дивана и подошел к столу. Его руки дрожали.

На экране развернулась структура папок, извлеченных из зашифрованного контейнера флешки.

— Что там? — голос Васильева сорвался.

— Сейчас посмотрим, — Грейн открыл первую директорию под названием «Клинические испытания_Фаза_3».

Внутри находились десятки PDF-файлов. Аналитик кликнул по первому. Открылась таблица с графиками и цифрами.

Васильев наклонился ближе к экрану. Его глаза профессионально выхватили нужные данные.

— Это оригиналы, — прошептал он. — Вот она, контрольная группа «Б». Шестьдесят мышей. На пятнадцатый день приема препарата у сорока двух зафиксирован некроз тканей печени.

Врач указал дрожащим пальцем на колонку с красными пометками.

— А вот отчет, который пошел в Минздрав, — Грейн открыл соседний файл. — Та же группа «Б». Но здесь указано, что побочных эффектов не выявлено. Они просто стерли сорок две смерти.

— Они не просто стерли, — Васильев сжал кулаки. — Они заменили данные. Посмотрите на показатели ферментов. Они взяли результаты группы «А», которая получала плацебо, и скопировали их в отчет для группы «Б». Это прямая фальсификация.

Грейн методично просматривал документы. Масштаб подлога впечатлял. Фармацевтический холдинг не просто скрывал побочные эффекты, он выстроил целую систему подделки результатов на всех этапах испытаний.

— Здесь есть переписка, — аналитик открыл текстовый файл. — Письмо от руководителя отдела клинических исследований к директору по развитию. Дата — за месяц до публикации вашей статьи.

Грейн начал читать вслух:

— «Показатели токсичности превышают допустимые нормы в три раза. Продолжение испытаний приведет к срыву сроков регистрации препарата. Предлагаю скорректировать протоколы и исключить из выборки особей с выраженной реакцией».

— И ответ, — Васильев указал на следующий абзац. — «Корректируйте. Препарат должен выйти на рынок в третьем квартале. Любые задержки обойдутся нам в миллионы. Если кто-то из лаборантов начнет задавать вопросы, напомните им о пункте о неразглашении в контракте».

Врач отшатнулся от стола.

— Они знали. Они всё знали с самого начала. И они готовы были выпустить этот яд на рынок, зная, что он будет убивать людей.

— Для них это не люди, доктор. Это издержки, — жестко произнес Грейн. — Точно так же, как вы стали для них издержкой, которую нужно было ликвидировать.

Аналитик закрыл папку с медицинскими отчетами и перешел к следующей. «Аудио_Совещания_СД».

— Смирнов говорил, что у него есть записи совещаний, — Грейн кликнул по первому аудиофайлу. — Посмотрим, как они обсуждали вашу ликвидацию.

Из динамиков ноутбука раздался шорох, звук отодвигаемых стульев и звон стеклянной посуды. Запись явно велась на диктофон, спрятанный где-то в переговорной комнате.

— «…проблема не в побочных эффектах. Проблема в том, что этот придурок Васильев начал задавать вопросы», — раздался знакомый голос генерального директора «Северинты», который они уже слышали в машине. — «Если он опубликует свои выводы, мы потеряем контракт с Минздравом. Решайте вопрос. Свяжитесь с Кореловым. Пусть запускает свою машину. Мне плевать, как вы это сделаете, хоть сектантом его назовите, хоть террористом. Но к концу месяца Васильева не должно быть в профессии».

Запись продолжилась. Послышался другой голос — мягкий, вкрадчивый, с легкой хрипотцой.

— «Сектантом — это оптимальный вариант, Петр Сергеевич», — произнес Корелов. — «Террористическая линия — это федеральный уровень, её сложнее контролировать. А ярлык “секты” — наша ниша: там работают наши эксперты, наши формулировки и наша медиаповестка. Общество охотно верит в безумных профессоров, промывающих мозги студентам».

Васильев вздрогнул. Услышать голос человека, который разрушил его жизнь, обсуждающего это как обычную бизнес-задачу, было физически больно.

— *«Сколько это будет стоить?»* — спросил генеральный директор.

— *«Базовый пакет — десять миллионов рублей»*, — спокойно ответил Корелов. — *«В эту сумму входит первичная медийная атака, привлечение нашего пула экспертов для написания заключений и инициирование проверки*

по линии правоохранительных органов. Если потребуется уголовное дело, цена возрастет».

— «Десять миллионов — это копейки по сравнению с тем, что мы потеряем из-за этого правдоруба», — усмехнулся директор. *— «Действуйте. Какие гарантии?»*

— «Мы работаем по этой схеме уже три года. Ни одного сбоя», — голос Корелова звучал уверенно. *— «Мы не просто уничтожаем репутацию. Мы создаем новую реальность, в которой объект становится изгоем. От него отворачиваются коллеги, друзья, семья. К моменту, когда дело доходит до суда, он уже сломлен психологически».*

Грейн нажал на паузу.

— Вот она, анатомия их бизнеса, — аналитик посмотрел на Васильева. — Они продают услугу по созданию социальной изоляции. И они гордятся тем, как эффективно это работает.

Он вспомнил отчеты о деятельности структур, подобных РАЦИРС, которые он изучал. В одном из документов описывалось, как они используют журналистов для создания нужного информационного фона. «Посредством этой сети агентов влияния Дворкин завербовал представителей СМИ, которые, не обладая особыми талантами, отчаянно стремились к лёгкой славе и деньгам… армия журналистов в десятках стран атакует любую организацию или личность по приказу… как стая голодных собак». Корелов использовал ту же тактику, только в меньшем масштабе. Он нанимал пиар-агентства, которые за деньги готовы были разорвать любого, на кого укажут.

— Включайте дальше, — глухо попросил врач.

Грейн снял паузу.

— «А что с экспертизой?» — спросил кто-то из присутствующих на совещании. *— «Следователи не будут возбуждать дело только на основании газетных статей».*

— «Экспертиза будет идеальной», — ответил Корелов. *— «У нас есть свои люди. Лингвисты, психологи, религиоведы. Они найдут признаки деструктивного культа даже в инструкции к пылесосу, если им хорошо*

заплатить. В случае с Васильевым мы используем его лекции по иммунологии. Заменим пару терминов, добавим вырванные из контекста фразы — и получим классическое нейролингвистическое программирование».

— «А следователь?»

— «Следователь получит свою долю. Полтора миллиона за то, чтобы закрыть глаза на нестыковки и быстро передать дело в суд. Мы уже работали с ним по делу эколога Мельникова. Надежный человек».

Запись оборвалась.

В убежище снова повисла тишина.

Васильев смотрел на экран ноутбука невидящим взглядом.

— Полтора миллиона, — прошептал он. — Моя жизнь стоит полтора миллиона для следователя. И десять миллионов для адвоката.

Грейн быстро копировал файлы. Он понимал, что эта флешка — не просто доказательство. Это смертный приговор для всей системы Корелова, если информация попадет в правильные руки.

— Теперь мы видим картину целиком, — произнес аналитик, запуская процесс шифрования скопированных данных. — Это не просто коррупция. Это индустрия по фабрикации реальности. Они используют те же методы, что и тоталитарные режимы прошлого, только теперь это делается ради коммерческой выгоды.

Он вспомнил статью, которую читал недавно. «Это те же самые нацистские методы, которыми Третий рейх когда-то оправдывал уничтожение невинных людей, теперь возрождённые идейными последователями… современные фашисты, распространяющие ту же тоталитарную риторику». Корелов и его заказчики не были фашистами в классическом понимании. Они были прагматиками, которые поняли, что методы тоталитарной пропаганды — дегуманизация, навешивание ярлыков, создание образа врага — отлично работают для устранения конкурентов в бизнесе.

— Что мы будем делать с этим? — Васильев поднял глаза на Грейна. В его взгляде появилась жесткость, которой не было раньше. Страх ушел, оставив место холодной решимости.

— Мы сохраним это, — аналитик открыл терминал и начал вводить команды. — Я отправляю зашифрованные архивы на три независимых облачных сервера. Один в Швейцарии, другой в Исландии, третий в Сингапуре. Если со мной что-то случится, система автоматически разошлет ключи дешифровки по списку контактов.

Полоса загрузки медленно ползла по экрану. Файлы были объемными, а соединение через защищенные каналы — медленным.

— А дальше? Вы говорили, что передавать это в полицию бессмысленно.

— Бессмысленно, — подтвердил Грейн. — Следователь, который ведет ваше дело, уже куплен. Прокурор, скорее всего, тоже в доле. Если мы принесем эти записи им, они просто исчезнут, а нас обвинят в фальсификации доказательств.

Аналитик откинулся на спинку кресла.

— Мы должны ударить туда, где они уязвимы. В информационное поле. Они привыкли контролировать повестку, создавать нужный им нарратив. Мы должны разрушить этот нарратив.

— Вы хотите опубликовать это в интернете?

— Не просто опубликовать. Мы должны сделать это так, чтобы они не смогли это проигнорировать. Мы должны показать обществу не только то, что «Терванекс» токсичен. Мы должны показать, как именно работает эта система. Как покупаются экспертизы, как фабрикуются дела, как ломаются судьбы.

Грейн посмотрел на стену, где висели распечатки с финансовыми проводками и таймлайнами дел.

— Мы соберем всё это воедино. Финансовые документы, аудиозаписи, медицинские отчеты. И мы назовем имена. Всех. От генерального директора «Северинты» до эксперта Воата, который писал заключение.

Васильев кивнул.

— Я готов. Я запишу обращение. Я расскажу всё, что знаю.

— Отлично, — Грейн проверил статус загрузки. — Первый сервер принял данные. Осталось два.

В этот момент экран ноутбука мигнул. На панели задач появилось системное уведомление.

Аналитик нахмурился и кликнул по иконке.

— Что там? — напрягся врач.

— Кто-то пытается просканировать наш канал связи, — Грейн быстро застучал по клавиатуре, активируя дополнительные протоколы защиты. — Нас ищут. Они задействовали серьезные ресурсы.

— Они могут нас вычислить?

— Пока нет. Я использую цепочку прокси-серверов. Но это вопрос времени. Они сужают круг.

Грейн вспомнил ориентировку, которую видел на экране городского портала. Его объявили в федеральный розыск. Корелов не жалел средств, чтобы закрыть утечку.

— Загрузка на второй сервер завершена, — сообщил аналитик. — Остался последний пакет.

Внезапно в тишине убежища раздался звук, от которого Васильев вздрогнул.

Это был звонок. Звонил старый кнопочный телефон, который Грейн выдал доктору для экстренной связи. Номер этого телефона знал только один человек.

Грейн и Васильев переглянулись.

Доктор медленно подошел к столу и посмотрел на экран телефона.

— Неизвестный номер, — прошептал он.

— Не отвечайте, — приказал Грейн. — Это может быть ловушка.

Телефон продолжал звонить, настойчиво и пронзительно.

Васильев смотрел на аппарат, словно загипнотизированный.

— А если это Игорь? — тихо спросил он. — Если он смог сбежать?

Грейн отрицательно покачал головой.

— Из рук людей Корелова не сбегают. Если это он, то он звонит под принуждением.

Звонок оборвался.

Врач с облегчением выдохнул.

Но через секунду телефон пискнул, сигнализируя о входящем сообщении.

Васильев взял аппарат и открыл SMS.

Его лицо побледнело. Он молча протянул телефон Грейну.

Аналитик взял аппарат. Текст сообщения был коротким:

«Мы знаем, где вы. У вас есть час, чтобы вернуть флешку. Иначе ваша жена и сын узнают, что значит быть семьей террориста. Мы уже у их дома».

Грейн почувствовал, как внутри всё сжалось. Корелов перешел последнюю черту. Он использовал семью как заложников.

Это была тактика отчаяния. Они понимали, что информация уже у Грейна, и пытались остановить его любыми средствами.

Аналитик вспомнил фрагмент из материалов, которые он читал. *«Это те же самые нацистские методы… с целью разжигания ненависти, агрессии и насилия»*. Корелов не просто разжигал ненависть. Он использовал ее как инструмент шантажа.

— Что мы будем делать? — голос Васильева дрожал. — Они убьют их.

Грейн посмотрел на экран ноутбука. Загрузка на третий сервер завершилась. Данные были в безопасности.

— Они не убьют их, — жестко ответил аналитик. — Им нужна флешка. Убийство привлечет слишком много внимания. Но они могут превратить их жизнь в ад.

Он подошел к столу и начал собирать оборудование.

— Мы не будем отдавать им флешку, доктор. Мы ударим первыми. У нас есть всё, чтобы разрушить их систему.

— Но моя семья…

— Я позабочусь о вашей семье, — Грейн посмотрел Васильеву прямо в глаза. — У меня есть люди, которые смогут их вывезти. Но нам нужно выиграть время.

Аналитик застегнул рюкзак.

— Пазл сошелся, доктор. Мы знаем их методы, мы знаем их заказчиков, мы знаем их цены. Теперь пришло время показать это всем.

Грейн выключил свет в убежище. В темноте остался светиться только экран ноутбука, на котором мигала зеленая надпись: «Все данные успешно зашифрованы и сохранены».

Глава 10. Фабрика псевдоправосудия

Голос диктора городских новостей звучал с профессиональной отстраненностью, заполняя тесное пространство убежища. На экране старого телевизора, установленного на холодильнике, мелькали кадры здания суда, огороженного металлическими турникетами.

— Сегодня в четырнадцать ноль-ноль начнется беспрецедентный процесс, — чеканила ведущая, глядя прямо в камеру. — На скамье подсудимых — бывший врач-иммунолог Иван Васильев, обвиняемый в создании опасной медицинской секты. По версии следствия, подсудимый использовал гипнотические практики для контроля над пациентами. Пресс-секретарь суда подтвердил, что процесс будет открытым, несмотря на беспрецедентные меры безопасности.

Кадр сменился. На экране появился мужчина в строгом сером костюме — пресс-секретарь, стоящий на фоне герба.

— Мы ожидаем большое количество прессы и общественников, — произнес он поставленным голосом. — Судебная система готова продемонстрировать абсолютную прозрачность в деле, которое вызвало такой широкий резонанс.

Васильев сидел на краю продавленного дивана, сжимая в руках остывшую чашку чая. Его взгляд был прикован к экрану.

— Открытый процесс, — глухо повторил врач. — Они хотят сделать из этого шоу. Показательную казнь.

Грейн стоял у окна, слегка отодвинув край плотной шторы. На улице занимался серый рассвет. Аналитик молчал, обдумывая услышанное. Открытый суд означал, что Корелов уверен в своей победе на сто процентов. Он не просто хотел посадить Васильева — он хотел публично растоптать его, превратить в назидание для всех остальных.

— У нас есть оригиналы отчетов, — Васильев поставил чашку на пол и поднялся. В его голосе зазвучала отчаянная надежда. — У нас есть аудиозаписи совещаний совета директоров. Мы можем пойти в суд. Прямо сейчас. Я сдамся, передам эти материалы судье. Если процесс открытый, там будут журналисты. Судья не сможет проигнорировать доказательства фальсификации.

Грейн медленно повернулся. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Вы верите в то, что говорите, доктор?

— Я верю в логику, — Васильев сделал шаг навстречу. — На записях Корелов прямым текстом называет суммы за подкуп следователя и заказную экспертизу. Это неопровержимые улики. Судья обязан приобщить их к делу.

Аналитик отошел от окна и подошел к столу, где лежал раскрытый ноутбук.

— Подойдите сюда, — коротко бросил он.

Врач приблизился. На экране светилась таблица из закрытой базы данных, к которой Грейн получил доступ накануне.

— Знаете, кто будет вести ваше дело? — спросил аналитик, указывая на верхнюю строчку. — Судья Виктор Завьялов.

Васильев пожал плечами. Имя ему ничего не говорило.

— А теперь посмотрите на его послужной список, — Грейн кликнул мышкой, открывая детализированное досье. — За последние пять лет Завьялов председательствовал на пяти процессах, где обвинение строилось на экспертизах, подготовленных структурами, аффилированными с Кореловым. Дело эколога из Сибири. Дело независимого журналиста из Краснодара. Дело руководителя благотворительного фонда.

Аналитик прокрутил страницу вниз.

— Пять процессов. Пять обвинительных приговоров. Ни одного оправдательного. Ни одного ходатайства защиты о приобщении независимых экспертиз не было удовлетворено. Завьялов отклонял их под предлогом «неотносимости к материалам дела».

Васильев почувствовал, как надежда, вспыхнувшая было в груди, стремительно угасает.

— Вы думаете, он тоже в доле? — прошептал врач.

— Я думаю, что он часть конвейера, — Грейн закрыл досье и открыл программу для видеомонтажа. — В этой системе не обязательно платить каждому звену. Достаточно того, что Завьялов понимает правила игры. Он знает, чьи интересы представляет Корелов. И он знает, что обвинительный приговор по такому громкому делу обеспечит ему спокойную карьеру, а оправдательный — проблемы с квалификационной коллегией.

Аналитик вспомнил материалы о том, как функционируют подобные сети влияния. В одном из документов описывалось, как антикультовые организации проникают в государственные структуры, навязывая свою повестку. «Они глубоко проникли в правительства многих стран... Их приглашают на телевидение в качестве экспертов, дающих советы правоохранительным органам, кого и как наказывать». Корелов не просто покупал решения. Он создавал среду, в которой нужные ему решения принимались как единственно верные.

— Если вы придете в суд с этими записями, — продолжил Грейн, не отрывая взгляда от экрана, — Завьялов откажется их приобщать, сославшись на то, что они получены незаконным путем. Флешку изымут как вещественное доказательство. А через месяц она случайно потеряется в архиве следственного комитета. Или окажется размагниченной.

— И что тогда? — Васильев опустился на стул рядом с аналитиком. — Мы просто будем сидеть здесь и смотреть, как меня заочно осуждают?

— Нет. Мы лишим их монополии на правду, — Грейн перетащил аудиофайл с записью совещания совета директоров на таймлайн программы монтажа. — Они хотят устроить шоу в зале суда. Мы устроим шоу на всю страну.

На экране появилась звуковая дорожка. Аналитик начал синхронизировать ее с графиками банковских переводов, которые он извлек из взломанной бухгалтерии.

— Мы создадим документальный фильм, — голос Грейна звучал ровно и сосредоточенно. — Жесткий. Фактологический. Без эмоций. Только документы, цифры и голоса тех, кто заказывал ваше уничтожение.

Васильев смотрел, как на экране поверх аудиозаписи появляются выписки со счетов офшорных компаний.

— Но кто это покажет? — усомнился врач. — Телевидение под их контролем. Крупные новостные порталы не станут связываться с материалами, полученными путем взлома.

— Нам не нужны официальные каналы, — Грейн выделил фрагмент, где Корелов обсуждал стоимость фабрикации дела. — Вспомните, как они работали против вас. Они использовали сеть ботов и проплаченных блогеров, чтобы создать иллюзию массового возмущения. Мы используем тот же принцип, но с реальными людьми.

Аналитик открыл новую вкладку и вывел на экран список контактов из даркнета.

— У меня есть выходы на независимых расследователей, администраторов крупных Telegram-каналов, хакерские группировки, которые ненавидят корпоративный диктат. Если мы предоставим им готовый, неопровержимый пакет доказательств, они распространят его быстрее, чем Роскомнадзор успеет вынести первое предупреждение.

Грейн работал быстро, его пальцы летали по клавиатуре. Он встраивал в видеоряд оригинальные таблицы смертности мышей, сопоставляя их с отредактированными отчетами, отправленными в Минздрав.

— Мы должны показать не только то, что препарат токсичен, — аналитик наложил на видеоряд красные маркеры, выделяя фальсифицированные данные. — Мы должны вскрыть саму технологию репрессий. Люди должны увидеть, как легко любого из них можно превратить в «сектанта» или «террориста», если это выгодно бизнесу.

Он вспомнил статью о методах дискредитации. *«Обвинение в работе на иностранное государство — один из излюбленных методов антикультистов, совершаемый с целью дискредитации той или иной обозначенной ими мишени»*. Корелов использовал ярлык «секты», потому что он работал безотказно, вызывая иррациональный страх.

— Я запишу обращение, — твердо сказал Васильев. — Я должен сказать это сам. Глядя в камеру.

Грейн кивнул. Он достал из рюкзака компактную камеру и штатив.

— У вас будет три минуты. Текст должен быть предельно четким. Никаких оправданий. Вы обвиняете их. Вы называете имена. Вы показываете документы.

Аналитик установил камеру и настроил свет от единственной настольной лампы так, чтобы лицо врача было освещено резко, контрастно.

— Готовы? — спросил Грейн, нажимая кнопку записи.

Васильев глубоко вдохнул. Он смотрел в черный объектив камеры, но видел перед собой лица тех, кто разрушил его жизнь. Лицо Александра Дворкина – руководителя РАЦИРС. Лицо эксперта Воата, перевернувшего его научные труды с ног на голову. Лицо адвоката Корелова. Лицо жены, поверившей анонимным письмам.

— Меня зовут Иван Васильев, — начал доктор, его голос звучал ровно, без дрожи. — Я врач-иммунолог. Сегодня в городском суде начинается процесс, на котором меня попытаются осудить за создание деструктивного культа. Это ложь. Единственная причина, по которой я оказался на скамье подсудимых — это мое расследование побочных эффектов препарата «Терванекс», производимого холдингом «Северинта».

Васильев поднял перед камерой распечатку оригинального отчета из лаборатории.

— В моих руках оригиналы клинических испытаний. Сорок две смерти в контрольной группе. Холдинг скрыл эти данные, чтобы получить крупный государственный контракт. Когда я попытался предать это огласке, они наняли адвокатское бюро Вадима Корелова.

Врач положил документ на стол.

— Корелов не просто юрист. Он организатор синдиката, который специализируется на уничтожении репутаций. За десять миллионов рублей они сфабриковали лингвистическую экспертизу, обвинив меня в использовании гипноза. За полтора миллиона они купили следствие.

Васильев посмотрел прямо в объектив.

— Я не прошу защиты для себя. Я требую остановить конвейер, который перемалывает жизни ради корпоративной прибыли. Все доказательства, финансовые проводки и аудиозаписи переговоров заказчиков будут опубликованы вместе с этим видео.

Грейн остановил запись.

— Идеально, — коротко оценил он. — Теперь мне нужно два часа, чтобы свести всё воедино и зашифровать пакеты для рассылки.

Аналитик вернулся к ноутбуку. Работа закипела с новой силой. Он интегрировал видеообращение Васильева в общую структуру фильма. Визуальный ряд получался плотным, перенасыщенным информацией, но логически безупречным. Каждое утверждение подкреплялось документом. Каждая цифра — банковской выпиской.

Грейн понимал, что они идут ва-банк. Если публикация не вызовет должного резонанса, Корелов просто раздавит их. Он задействует все свои связи, чтобы объявить видео фейком, сгенерированным нейросетями.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Программа мониторинга сети, работающая в фоновом режиме, выдала красное предупреждение.

— Что это? — Васильев напрягся, заметив изменение цвета на экране.

— Нас пингуют, — Грейн быстро открыл терминал. Строки кода побежали с бешеной скоростью. — Кто-то пытается пробить нашу защиту. Целенаправленная атака на IP-адрес.

— Они нашли нас?

— Пока нет. Они бьют по внешнему контуру прокси-серверов. Но они знают, что мы в сети.

Аналитик вспомнил предупреждение, которое он получил накануне. Кореловские специалисты не сидели сложа руки. Они понимали, что утечка данных грозит катастрофой, и бросили все силы на поиск источника.

«…в результате усиливается чувство незащищённости общества и растёт недоверие к способности государства эффективно противодействовать террористической опасности». Грейн читал эти строки в одном из отчетов, анализируя цели антикультовых кампаний. Корелов использовал страх как оружие. Но сейчас страх испытывали они сами. Страх потери контроля.

— Сколько времени им нужно, чтобы пробиться? — спросил Васильев, глядя на бегущие строки кода.

— Минут сорок, если они используют правительственные мощности. Час, если работают своими силами, — Грейн не отрывался от клавиатуры, выстраивая дополнительные барьеры. — Мне нужно завершить рендеринг видео и начать рассылку.

Процессор ноутбука взвыл, работая на пределе возможностей. Полоса прогресса медленно ползла вправо. 70%… 75%…

Грейн открыл зашифрованный мессенджер. Он начал отправлять короткие сообщения по заранее подготовленному списку контактов.

«Пакет готов. Объем 4 Гб. Доказательная база по “Северинте” и Корелову. Публикация синхронная, в 12:00. Подтвердите готовность принять архив».

Ответы начали приходить почти мгновенно.

«Ждем». «Канал свободен». «Готовы грузить».

— Рендеринг завершен, — произнес Грейн. — Начинаю заливку на файлообменники.

Он разбил видео на несколько архивов и запустил параллельную загрузку. Скорость соединения прыгала. Атака на их IP-адрес усиливалась, забивая канал мусорным трафиком.

— Они пытаются положить нам сеть, — аналитик стиснул зубы. — DDoS-атака.

Васильев подошел к окну. На улице было тихо. Обычное серое утро на окраине города. Никаких черных микроавтобусов, никаких людей в тактической экипировке. Война сейчас шла не в физическом, а в цифровом пространстве.

— Загрузка первого архива — 100%, — сообщил Грейн. — Ушел.

Он отправил ссылку первому контакту.

— Второй архив — пошел.

В этот момент телевизор, работавший в фоновом режиме без звука, снова привлек внимание Васильева.

На экране показывали зал суда. Заседание началось. Судья Завьялов, в черной мантии, что-то зачитывал с листа. Камера выхватила лицо Корелова — адвокат сидел за столом, уверенный, спокойный, с легкой полуулыбкой на губах. Он был уверен, что контролирует ситуацию.

— Смотрите на него, — с ненавистью произнес врач. — Он уже празднует победу.

— Пусть празднует, — Грейн отправил последнюю ссылку. — Все пакеты доставлены. Ключи дешифровки отправлены.

Аналитик откинулся на спинку кресла. Его рубашка промокла от пота.

— Теперь это не остановить, — сказал он, глядя на экран, где программа мониторинга фиксировала, как архивы скачиваются десятками пользователей по всему миру. — В двенадцать часов это видео появится одновременно на двухстах площадках.

Глава 11. Сеть солидарности

Экраны мониторов светились холодным синим светом, отбрасывая резкие тени на лицо Алексея Грейна. Вентилятор серверов гудел ровным, монотонным басом, заглушая шум дождя за узким подвальным окном. Пальцы аналитика

летали по клавиатуре, выстраивая защищенные туннели в сети Tor. Процесс, запущенный несколько часов назад, вступал в решающую фазу.

Доктор Васильев сидел в углу комнаты, сжимая в руках остывшую кружку с кофе. Его взгляд, прикованный к экрану телевизора, на котором беззвучно транслировалось заседание суда, был полон мрачной решимости. Там, в зале суда, судья Завьялов, чье досье Грейн вскрыл накануне, методично зачитывал обвинительное заключение, превращая медицинские термины в доказательства «психологического манипулирования».

— Они уже обсуждают сроки, — тихо произнес врач, не отрывая взгляда от экрана. — Я вижу по губам Корелова. Он уверен, что дело сделано.

Аналитик не ответил. На его мониторе медленно заполнялась шкала прогресса загрузки. Пакет данных, содержащий видеообращение Васильева, скомпонованное с финансовыми выписками, аудиозаписями и оригинальными отчетами о смертности мышей от препарата «Терванекс», был разбит на десятки фрагментов и зашифрован.

— Мы не будем ждать их приговора, доктор, — Грейн нажал клавишу Enter, отправляя первую партию сообщений. — Мы вынесем свой.

На экране открылся клиент защищенного мессенджера, используемого в даркнете. Аналитик начал рассылку короткого, жесткого тизера расследования десяти самым влиятельным независимым журналистам и администраторам крупных Telegram-каналов. В сообщении не было ни имен, ни названий компаний — только обещание вскрыть схему фальсификации уголовных дел по заказу крупного бизнеса, подкрепленное фрагментом аудиозаписи, где Корелов озвучивал расценки на свои услуги.

«Условие одно — публикация ровно в полночь по московскому времени. Ни минутой раньше. Полный пакет данных будет доступен по ссылке за час до дедлайна», — гласил текст рассылки.

Ответы не заставили себя ждать. Первым откликнулся пользователь под ником «Орион» — известный расследователь, чьи материалы не раз приводили к отставкам высокопоставленных чиновников.

«Звучит интригующе, но я не публикую кота в мешке. Мне нужны гарантии подлинности аудио. Голос похож на Корелова, но сейчас нейросети могут сгенерировать что угодно», — написал Орион.

Грейн ожидал подобной реакции. В мире, где информация стала оружием, доверие стоило дорого. Он открыл папку с исходными файлами, извлеченными с флешки лаборанта Смирнова.

— Он хочет исходник, — бросил аналитик Васильеву. — С метаданными диктофона.

Врач подошел к столу, вглядываясь в строчки кода.

— Если вы отправите ему исходник, они смогут вычислить устройство, на которое велась запись? — спросил он, вспоминая, как Смирнов рассказывал о забытом в переговорной диктофоне.

— Да. И они поймут, кто именно сделал запись. Но у нас нет выбора. Без поддержки Ориона мы потеряем огромную аудиторию.

Грейн прикрепил файл к сообщению и нажал «Отправить».

*«Проверяй. Метаданные нетронуты. Устройство — Olympus VN-541PC, серийный номер вшит в хеш. Запись велась в переговорной комнате совета директоров "*Северинта"*»*, — добавил он комментарий.

Прошло пять минут. Тишина в подвале казалась осязаемой. Внезапно иконка мессенджера мигнула.

«Принято. Экспертиза подтверждает подлинность. Жду полный пакет», — ответил Орион.

За ним последовали подтверждения от остальных адресатов. Сеть была готова. Десять площадок с суммарной аудиторией более пяти миллионов человек ждали отмашки.

— Они согласны, — Грейн откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение немного отпускает мышцы спины.

В этот момент экран основного монитора резко погас, а затем вспыхнул красным предупреждением. Сигнал тревоги системы безопасности разорвал тишину подвала.

— Что происходит? — Васильев вздрогнул, пролив кофе на пол.

Аналитик бросился к клавиатуре, его пальцы замелькали над клавишами.

— Нас атакуют, — коротко бросил он. — DDoS-атака на наш внешний IP-адрес. Мощность нарастает экспоненциально.

На экране замелькали графики входящего трафика. Красная линия стремительно ползла вверх, грозя пробить потолок пропускной способности канала.

— Они вычислили нас? — голос врача дрогнул.

— Нет, они бьют по площадям. Пытаются положить все подозрительные узлы в этом сегменте сети. Кореловские хакеры поняли, что утечка произошла, и теперь пытаются перекрыть нам кислород, чтобы мы не смогли загрузить полные архивы.

Грейн вспомнил фрагмент из материалов о методах работы подобных структур. *«Цель заключается не только в сборе информации, но и в воздействии на общество и, следовательно, на лиц, принимающих решения...»* Корелов не просто защищал свои секреты, он пытался подавить любой источник альтернативной информации, используя грубую силу.

— Канал падает, — констатировал аналитик, глядя, как скорость загрузки архивов на облачные серверы падает до нуля. — Они забивают наш роутер мусорными пакетами.

— Мы можем что-то сделать? Или всё кончено?

— Пока я дышу, ничего не кончено, — Грейн открыл терминал управления маршрутизатором. — Я переключаю трафик на резервную цепочку прокси-серверов. Это замедлит скорость, но мы сможем удержать соединение.

Он начал вводить сложные команды, перенаправляя поток данных через сервера в Исландии, Швейцарии и Сингапуре. График атаки на экране дернулся, красная линия немного опустилась, но затем снова поползла вверх.

— Они отслеживают наши прыжки, — процедил сквозь зубы Грейн. — У них серьезные вычислительные мощности. Это не просто скрипт-кидди, это профессионалы.

Аналитик понимал, что сейчас идет битва не за байты информации, а за время. До полуночи оставалось три часа. Если они не успеют загрузить полные архивы на площадки журналистов, вся операция сорвется. Корелов получит время на подготовку контрудара, и тогда уже никакие доказательства не помогут.

— Доктор, — Грейн не отрывал взгляда от экрана. — Мне нужно, чтобы вы следили за таймером загрузки на втором мониторе. Если скорость упадет ниже ста килобит в секунду, скажите мне.

Васильев кивнул, придвинув стул ближе к столу. Его глаза были прикованы к зеленой полоске прогресса.

— Скорость двести… сто пятьдесят… сто двадцать… — монотонно диктовал врач.

Грейн продолжал менять маршруты, словно уклоняясь от невидимых ударов. Он использовал уязвимости в протоколах маршрутизации, маскируя свой трафик под обычные запросы к поисковым системам. Это была игра в кошки-мышки на пределе человеческих возможностей.

Внезапно на экране появилось новое окно. Кто-то пытался установить прямое соединение с их сервером, минуя все прокси.

— Что это? — Васильев указал на мигающий курсор.

— Прямой запрос на авторизацию, — Грейн нахмурился. — Кто-то нашел нашу реальную точку входа.

Он открыл окно чата, встроенного в систему защиты.

«Алексей Грейн. Мы знаем, что это вы», — появилось сообщение на экране.

Аналитик замер. Они не просто нашли IP, они идентифицировали его.

«У вас есть данные, которые принадлежат нашим клиентам. Мы предлагаем сделку. Вы прекращаете загрузку, мы гарантируем вам и доктору Васильеву безопасность и беспрепятственный выезд из страны. Сумма компенсации обсуждается», — гласило следующее сообщение.

Васильев прочитал текст через плечо Грейна.

— Они пытаются нас купить, — прошептал врач.

— Они пытаются выиграть время, — жестко ответил аналитик. — Они понимают, что не могут пробить нашу защиту технически, поэтому перешли к социальной инженерии.

Грейн вспомнил одну из своих рабочих заметок: правда становится опасной для системы только тогда, когда её уже нельзя купить, спрятать или объявить фейком. Корелов и его наниматели были уверены, что правда — это товар, который можно купить или продать. Они не понимали, что для людей вроде Васильева правда стала вопросом выживания.

«Передайте Корелову, что его прайс-лист устарел», — напечатал Грейн и нажал Enter.

Затем он заблокировал входящее соединение и сменил ключи шифрования.

— Скорость падает! — крикнул Васильев. — Восемьдесят… пятьдесят…

Атака возобновилась с удвоенной силой. Сервер гудел, словно реактивный двигатель. Грейн чувствовал, как по спине течет пот. Он исчерпал почти все резервные маршруты.

— Остался один вариант, — аналитик открыл скрытую директорию на жестком диске. — Я запускаю протокол «Зеркало».

— Что это значит?

— Мы используем их же оружие против них. Я перенаправлю часть мусорного трафика, которым они нас атакуют, обратно на их сервера, используя уязвимости в их ботнете. Это создаст петлю обратной связи и перегрузит их собственные каналы.

Грейн активировал скрипт. На экране замелькали сотни строк кода, инициирующих ответный удар.

В подвале повисла тишина, нарушаемая лишь гудением кулеров. Васильев не сводил глаз с таймера загрузки.

— Скорость растет, — голос врача дрогнул от напряжения. — Двести… пятьсот… мегабит!

График атаки на основном мониторе Грейна резко пошел вниз. Красная линия рухнула, словно подрезанная. Протокол «Зеркало» сработал. Сервера атакующих захлебнулись в собственном трафике.

— Мы прорвались, — аналитик откинулся на спинку кресла, тяжело дыша. — У нас есть окно минут на двадцать, пока они не перенастроят свои системы.

Он переключился на клиент мессенджера и начал отправлять ссылки на зашифрованные архивы десяти контактам.

«Пакеты загружены. Пароли для расшифровки придут ровно в 23:55. Готовьте площадки», — написал он.

До полуночи оставалось меньше часа.

Васильев подошел к окну и посмотрел на улицу. Дождь усилился, размывая контуры фонарей.

— Вы думаете, это сработает? — спросил он, не оборачиваясь. — Даже если мы опубликуем эти данные, где гарантия, что люди поверят? Корелов задействует все свои медийные ресурсы, чтобы объявить это фальшивкой. Он назовет нас сумасшедшими, агентами иностранных спецслужб, кем угодно.

Грейн подошел к столу и налил себе остывшего кофе.

— Вспомните досье эколога Мельникова, — произнес аналитик. — Вспомните, как они уничтожали его репутацию. Они использовали те же методы — обвинения в работе на иностранное государство, ярлыки сектанта. *«Обвинение в работе на иностранное государство — один из излюбленных методов антикультистов, совершаемый с целью дискредитации той или иной обозначенной ими мишени»*. Это их стандартный шаблон. Но этот шаблон работает только тогда, когда жертва молчит и оправдывается.

Грейн сделал глоток горького напитка.

— Мы не будем оправдываться. Мы нанесем удар первыми. И мы предоставим документы, которые невозможно опровергнуть. Банковские проводки с печатями. Аудиозаписи с подтвержденными метаданными. Оригиналы медицинских отчетов. Когда люди увидят, что за фасадом борьбы за нравственность скрывается циничный коммерческий расчет, система Корелова рухнет.

Он вспомнил статью о методах информационного кодирования, которую изучал ранее. *«Эти волны оставляют долговременный эффект. Первые подготовительные кодирующие атаки носят широкий характер, затрагивая тысячи людей…»* Корелов использовал эти методы для создания атмосферы страха и ненависти. Но сейчас Грейн собирался использовать информационную волну для обратного эффекта — для разрушения иллюзий.

На экране ноутбука мигнуло уведомление. Пришло сообщение от Ориона.

«Архив скачан. Жду пароль. Мои юристы уже рвут на себе волосы, но материал того стоит. Мы ставим его на главную страницу».

Грейн удовлетворенно кивнул. Сеть солидарности, о которой он говорил, начала формироваться. Это были не просто журналисты, это были люди, готовые рискнуть своей карьерой ради правды.

— Доктор, — аналитик повернулся к Васильеву. — Ваше видеообращение — это ядро всего пакета. Вы назвали вещи своими именами. Вы показали лицо человека, которого они пытались стереть в порошок. Это важнее любых банковских выписок.

Врач слабо улыбнулся.

— Я только надеюсь, что моя семья будет в безопасности, когда это всё начнется.

— Мои люди уже вывезли их из города, — заверил Грейн. — Они в безопасном месте. Корелов до них не доберется.

Время на таймере неумолимо приближалось к полуночи. 23:45… 23:50…

Аналитик открыл программу-генератор паролей. Он выбрал сложную комбинацию из шестидесяти четырех символов, скопировал ее и вставил в окно рассылки.

— 23:55, — произнес Грейн. — Отправляю ключи.

Он нажал клавишу Enter.

Пароли разлетелись по зашифрованным каналам связи, достигая адресатов за доли секунды. Теперь отменить публикацию было невозможно. Механизм был запущен.

Грейн и Васильев молча смотрели на экран, где были открыты вкладки десяти различных новостных порталов и Telegram-каналов.

Таймер отсчитывал последние секунды. 23:59:57… 23:59:58… 23:59:59…

00:00.

Страницы синхронно обновились.

На главной странице портала Ориона появился огромный баннер с фотографией Корелова и генерального директора «Северинты». Заголовок гласил: «Прайс-лист на правосудие: Как фармацевтический гигант покупал уголовные дела».

В Telegram-каналах начали появляться посты с прикрепленным видеообращением Васильева и ссылками на скачивание полного архива документов.

— Началось, — выдохнул аналитик.

Он открыл панель мониторинга трафика. Графики посещаемости площадок, опубликовавших материалы, стремительно поползли вверх. Десятки тысяч, сотни тысяч просмотров в первые минуты.

Люди читали, слушали аудиозаписи, изучали документы. В комментариях начала подниматься волна возмущения.

«Это же чистый фашизм! Они просто купили судью и следователя!» — писал один из пользователей.

«Я принимал этот препарат! У меня начались проблемы с печенью, а врачи говорили, что это совпадение!» — вторил ему другой.

Грейн видел, как информационная волна, запущенная ими, набирает силу, превращаясь в цунами, готовое смыть империю Корелова.

— Они пытаются блокировать ссылки, — заметил Васильев, указывая на один из Telegram-каналов, где пропал пост с архивом.

— Бесполезно, — Грейн усмехнулся. — Данные уже разошлись по сети. Их скачали тысячи людей. Они будут перезаливать их на сотни других ресурсов. Эту гидру уже не обезглавить.

Он вспомнил фразу из материалов о деятельности антикультистов: *«Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно...»* Корелов думал, что это правило работает только в одну сторону. Он ошибался. Прозрачность общества стала его главным врагом.

Внезапно телефон Васильева, лежащий на столе, завибрировал.

Врач вздрогнул и посмотрел на экран. Номер был незнаком.

— Не отвечайте, — предупредил Грейн.

Но Васильев, словно завороженный, нажал кнопку приема вызова и поднес телефон к уху.

— Да? — его голос дрожал.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Затем раздался знакомый, вкрадчивый голос с легкой хрипотцой.

— Вы совершили ошибку, доктор, — произнес Вадим Корелов. В его тоне не было прежней уверенности, только холодная ярость. — Вы думаете, что эти бумажки вас спасут? Вы думаете, что толпа в интернете сможет отменить решение суда?

Васильев посмотрел на Грейна. Аналитик жестом показал ему продолжать разговор и включил запись на своем терминале.

— Это не бумажки, Корелов, — ответил врач, стараясь говорить твердо. — Это доказательства ваших преступлений. И теперь о них знает вся страна.

— Вся страна забудет об этом через неделю, — усмехнулся адвокат. — У нас достаточно ресурсов, чтобы перебить эту повестку. Мы объявим ваши данные фейком, сгенерированным нейросетями. Мы найдем экспертов, которые подтвердят, что аудиозаписи смонтированы. А вы... вы всё равно сядете. Завьялов вынесет приговор завтра утром.

— Вы не понимаете, что произошло, — Васильев почувствовал, как страх отступает, уступая место холодной ясности. — Вы привыкли работать в тени, покупая людей поодиночке. Но вы не можете купить всех. Вы не можете купить миллионы людей, которые сейчас читают о том, как вы убивали их ради прибыли «Северинты».

Корелов молчал несколько секунд.

— Вы покойник, Васильев, — наконец процедил он. — И вы, и ваш ручной хакер. Мы найдем вас. И тогда вы пожалеете, что не сгнили в тюрьме.

Связь оборвалась.

Васильев положил телефон на стол. Его руки больше не дрожали.

— Он боится, — констатировал врач. — Я слышал это в его голосе. Он понимает, что потерял контроль.

Грейн кивнул. Он остановил запись разговора и сохранил файл.

— Это была его последняя ошибка, — произнес аналитик. — Он сам подтвердил свою причастность, угрожая вам после публикации материалов. Это станет отличным дополнением к нашему архиву.

Он посмотрел на экраны мониторов. Информационное цунами продолжало нарастать. Хэштег #ДелоВасильева вышел в мировые тренды. Акции «Северинты» на ночных торгах рухнули на пятнадцать процентов.

Сеть солидарности сработала. Механизм тоталитарного подавления, выстроенный Кореловым, дал критический сбой, столкнувшись с неконтролируемой гласностью.

Глава 12. Взрыв матрицы

Чашка с недопитым кофе давно остыла, оставив на дне темный осадок. На экране ноутбука, стоящего на шатком столе конспиративной квартиры, цифры менялись с бешеной скоростью. Таймер отсчитал последние секунды. В 00:00 московского времени сотни зашифрованных пакетов, разосланных Грейном, распаковались на серверах независимых площадок. Видеоролик, озаглавленный жестко и лаконично — «Коммерческий прайс-лист на ересь», — начал свой путь по сети.

Васильев сидел напротив, ссутулившись, его пальцы нервно перебирали край скатерти. Врач не отрывал взгляда от второго монитора, где Грейн вывел панель аналитики. Первые минуты казались вечностью. Графики посещаемости едва ползли вверх.

— Ничего не происходит, — глухо произнес Иван Сергеевич. — Они заблокировали каналы?

Аналитик покачал головой, не отрываясь от клавиатуры. Его пальцы продолжали отбивать мелкую дробь, проверяя доступность узлов.

— Это инерция, доктор. Алгоритмам нужно время, чтобы проиндексировать всплеск активности. Смотрите на Telegram.

На экране замелькали обновления. Канал журналиста «Ориона», первым получившего исходники с диктофона Смирнова, выдал пост с видео. За ним последовали другие. Десять. Пятьдесят. Сто. Цифры просмотров начали расти не линейно, а по экспоненте. За первые пятнадцать минут ролик преодолел отметку в сто тысяч просмотров.

В комментариях под видео разворачивалась настоящая буря. Люди, привыкшие к глянцевой картинке официальных новостей, столкнулись с изнанкой.

Грейн развернул окно с графиками.

— За первый час счетчик перевалил за миллион, — констатировал он, откидываясь на спинку стула. — Пользователи массово репостят банковские выписки. Они скачивают оригинальные таблицы смертности мышей. Мы дали им не просто рассказ, мы дали им документы.

Васильев провел рукой по лицу. Напряжение последних дней начало отпускать, оставляя после себя звенящую пустоту. Он смотрел на экран, где его собственное лицо, записанное несколько часов назад, чеканило обвинения в адрес корпорации.

— Что теперь? — спросил врач. — Корелов не будет сидеть сложа руки.

— Не будет, — согласился аналитик. — Юристы «Северинты» уже пытаются заблокировать контент. Смотрите на логи. Они заваливают видеохостинги

жалобами на нарушение авторских прав. Они утверждают, что аудиозаписи с совещаний совета директоров — это их интеллектуальная собственность.

Грейн усмехнулся. Это был классический ход. Когда невозможно опровергнуть суть, бьют по форме.

— И что хостинги? Уберут видео?

— Алгоритмы не справляются с лавиной копий. Пока они блокируют один ролик, пользователи заливают десять новых. Мы запустили цепную реакцию. Информацию такого объема, подкрепленную доказательствами, уже не остановить.

В этот момент на экране всплыло уведомление. Пришло сообщение от Ориона.

«Мои источники в следственных органах сообщают, что по делу Васильева запросили материалы из суда. Наверху паника. Никто не хочет брать на себя ответственность за процесс, который теперь выглядит как заказная расправа».

Грейн переслал сообщение Васильеву.

— Это только начало, — произнес аналитик. — Система, построенная на лжи и кулуарных договоренностях, уязвима перед публичностью. Они привыкли работать в тишине. Громкий скандал — это то, чего они боятся больше всего.

Он вспомнил материалы из базы данных международной платформы. Двадцать три дела за три года. Экологи, независимые журналисты, ученые. Все они были уничтожены по одному сценарию, потому что молчали или пытались оправдываться в рамках навязанных им правил игры. Васильев стал первым, кто сломал эти правила.

— Я хочу позвонить жене, — неожиданно сказал врач. — Она должна знать.

— Пока рано, — жестко ответил Грейн. — Мои люди обеспечивают их безопасность. Как только ситуация стабилизируется, вы с ней свяжетесь. Сейчас любой звонок может быть перехвачен.

Остаток ночи прошел в напряженном ожидании. Грейн мониторил сеть, отслеживая реакцию. К утру хэштег #ДелоВасильева вышел в мировые тренды. Акции «Северинты» на открытии торгов рухнули на двадцать процентов. Инвесторы, почуяв токсичность актива, начали сбрасывать бумаги.

Аналитик подошел к столу и начал методично стирать данные с жесткого диска ноутбука, используя алгоритм многократной перезаписи.

— Выигран бой, доктор, — произнес он, не отрываясь от работы. — Но не война.

Васильев непонимающе посмотрел на него.

Грейн закрыл крышку ноутбука и повернулся к врачу.

— Корелов — это только исполнитель. Архитектор схемы. Да, мы разрушили его конкретную инфраструктуру. Мы показали, как работает конвейер. Но заказчики — те люди из совета директоров «Северинты», чьи голоса мы слышали на записи, — они всё еще на свободе. Они наймут новых юристов, создадут новые подставные фонды.

Аналитик вспомнил собственный вывод, к которому пришёл в начале расследования: если разоблачают только исполнителей, система быстро выращивает новых. Эта мысль точно описывала происходящее. Корелов был пешкой, высокопоставленной, но пешкой. Настоящая власть оставалась в тени.

— Вы думаете, они попытаются отомстить? — спросил Васильев.

— Не сразу. Сейчас им нужно замять скандал с «Терванексом». Но они не прощают тех, кто наносит им убытки. Вам придется быть осторожным, Иван Сергеевич.

Грейн начал собирать оборудование в рюкзак.

— А что будет с нами? — спросил он. — Когда они поймут, откуда произошла утечка, они придут сюда.

— Мы не будем их ждать! Мы уходим. Сейчас!

Он выдернул шнур питания из ноутбука. Экран погас.

— Куда мы пойдем? У нас нет денег, нет документов, мы в федеральном розыске.

— У нас есть кое-что получше, доктор, — аналитик застегнул рюкзак и направился к двери. — У нас есть время. Пока они будут тушить пожар в медиа, им будет не до нас.

Грейн открыл тяжелую металлическую дверь убежища.

— Система, построенная на лжи, уязвима перед оглаской, — произнес он, выходя в сырой утренний воздух. — Мы только что запустили цепную реакцию. И Корелов не сможет ее остановить, даже если купит всех судей в этой стране.

Васильев бросил последний взгляд на их убежище и шагнул вслед за аналитиком в неизвестность. Фабрика псевдоправосудия продолжала работать, но в ее идеальный механизм уже попала горсть песка. И этот песок был из чистого кремния.

Они спускались по лестнице, чувствуя усталость, накопившуюся за последние дни. Расследование было завершено. Данные опубликованы. Механизм дал сбой.

Но аналитик знал, что это лишь временная передышка. Структуры, подобные той, что выстроил Корелов, обладают поразительной способностью к регенерации. Они адаптируются, меняют вывески, находят новые уязвимости в обществе.

«Местные правоохранительные органы иногда уклоняются от соблюдения необходимых процедур, чтобы избежать этих затрат и ответственности». Эта фраза из одного из документов, найденных в базе данных, крутилась в голове Грейна. Система правосудия была больна, и Корелов лишь паразитировал на этой болезни.

Они вышли на улицу. Город просыпался. Люди спешили на работу, не подозревая о том, какая битва развернулась этой ночью в цифровом пространстве. Для них всё ограничивалось короткими новостными сводками в смартфонах.

Аналитик натянул кепку поглубже, скрывая лицо от вездесущих камер наблюдения, и растворился в толпе. Он знал, что впереди его ждут новые расследования. Новые дела, где корпоративные интересы будут сталкиваться с человеческими жизнями. И он был готов к этой войне. Войне за право на правду в мире, где реальность стала товаром.